

ЧАК ПАЛАНИК

18+

NEOCLASSIC

ОБРЕЧЕННЫЕ

РОМАН

Мэдисон Спенсер

Чак Паланик
Обреченные

«АСТ»

2013

Паланик Ч.

Обреченные / Ч. Паланик — «АСТ», 2013 — (Мэдисон Спенсер)

Кто бы мог подумать, что, умерев, я стану настолько известной личностью! Газеты, телевидение и радио в один голос твердят, какой лапочкой я была, какую идеальную дочь потеряли мои родители – самый известный продюсер Голливуда и актриса № 1 «фабрики грез». Как же это получилось, что незаметная, стеснительная девочка с прыщами, подростковыми комплексами и лишним весом сделалась всенародной любимицей и объектом культа, и зашло это сумасшествие настолько далеко, что теперь моим именем называется рукотворный остров – прибежище тысяч адептов новой религии, стремящихся любой ценой попасть в рай? Конечно, это происки нечистого – обманщика, шарлатана и мастера манипуляций! Но зря, как говорится, связался черт с младенцем...

© Паланик Ч., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Чак Паланик

Обреченные

© Chuck Palahniuk, 2013

© Перевод. В. Егоров, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

01 ноября, 0:01 по тихоокеанскому времени

Жизнь начинается с предопределения. Пролог

Отправил Леонард-КлаДезь

(Hadesbrainiacleonard@aftlife.hell)

Добро и зло были всегда. И всегда будут. Только наши истории о них вечно меняются.

В шестом веке до Рождества Христова греческий законотворец Солон посетил египетский город Саис и привез оттуда такое описание конца света. Согласно пророчеству жрецов храма Нейт, пламя и ядовитый дым пронесутся по Земле. В один день и в одну ночь целый материк сгинет в морской пучине, и лжемессия поведет людской род к гибели.

Египетские провидцы предсказывали: Апокалипсис начнется тихой ночью на холме, что возвышается над королевством Лос-Анджелес. Там, пели древние оракулы, щелкнет замок. Среди огороженных особняков Беверли-Крест сдвинется тяжелый засов. Как записано Солоном, широко раскроются створки решетчатых ворот. Внизу в паутине фонарей будут ожидать сонные земли Вествуда, Брентвуда и Санта-Моники. И пока в воздухе тает тиканье последних секунд перед полуночью, за распахнутыми воротами будут царить лишь тьма и тишина, затем заурчит мотор, и два огня увлекут этот звук за собой. И ворота выпустят «линкольн», который начнет неспешный путь вниз по серпантину с верхней части Голливудского бульвара.

Ночь, как описано в древнем пророчестве, безмятежна, ни ветерка, и все же там, где неторопливо проезжает машина, поднимается буря.

По пути из Беверли-Крест в Голливуд-Хиллз «линкольн» вытягивается: он длинный и черный, как язык придушенного удавкой. В розовых мазках уличных фонарей машина глянцево блестит, словно вылезший из гробницы скарабей. И когда она доезжает до Кингз-роуд, огни Беверли-Хиллз и Хэнкок-Парка вздрагивают и гаснут: вымарываются не дом за домом, а целиком квартал за кварталом; она минует бульвар Кресент-Хайтс – пропадает район Лорел-Каньон: исчезает не только свет, но и шум, и звуки музыки. Стирается всякий проблеск, намекающий на город; машина скользит вниз от Фэйрфакса к Огден-драйв и Гарднер-стрит. Так тьма накрывает город, тенью следуя за роскошным «линкольном».

И ровно так же следует за ним свирепый ветер. Как предсказано древними жрецами, вихрь стегает плюмажи высоких пальм на Голливудском бульваре, а те метут небо. Хлещущие друг о друга ветви швыряют вниз жуткие неясные фигуры, которые с визгом рушатся на мостовую. Эти яростно бьющиеся тельца с глазками-бусинами и чешуйчатыми змеиными хвостами колотят по «линкольну». Они падают, вереща. Их когти неистово царапают воздух. Их удары не могут пробить лобовое стекло – стекло бронированное. Покрышки стучат по ним, растирая плоть. Эти визжащие, цепляющиеся силуэты – крысы. Эти летящие к гибели тельца – опоссумы. Под колесами шерстяной ковер взрывается алыми брызгами. Дворники смахивают

с лобового стекла еще теплую кровь, раздробленные кости не могут проткнуть покрышки – резина тоже бронированная.

И ветер так могуч, что прометает улицу насквозь и волочит груз изуродованных вредителей, толкает волну увечных прямоком за машиной, когда та въезжает в Сполдинг-сквер. Борозды молний раскалывают небо, ливень бомбардирует черепичные кровли. Фанфарами взрывается гром, и дождь падает на мусорные баки, размочаливая полиэтиленовые мешки и пенопластовые стаканчики.

И безлюден бульвар под маячащей башней Рузвельт-отеля, и только мусорное войско движется по городу, не замечая светофоров и машин. Улицы и перекрестки пустынные. На тротуарах – никого, и, как обещано древними прорицателями, в каждом окне темнота.

Во вскипающем небе не блуждают самолетные огни, ливнестоки захлебнулись, кругом потоки воды и шерсти. Дороги скользкие от внутренностей. У Китайского театра Граумана уже не Лос-Анджелес, а сплошь хаос и бойня.

Однако впереди, недалеко от машины, все еще горят неоновые вывески; единственный квартал Голливудского бульвара, где ночь тепла и спокойна. Дождь не капает на тротуар, зеленые тенты ресторана «Муссо и Франк» свисают неподвижно. В небе над здешними домами нет облаков, и в этот туннель проглядывает луна, деревья вдоль тротуара не шевелятся. Фары «линкольна» так забрызганы красным, что отбрасывают перед машиной дорожку алого света. Эти красные лучи выхватывают из темноты юную деву. Стоит она по другую сторону от музея восковых фигур и здесь, посреди ока страшной бури, разглядывает звезду, отлитую из розового бетона и утопленную в тротуар. В ушах у девушки сияющий кубический цирконий размером с десятицентовик, а на ногах поддельные «маноло бланики». Прямая юбка в мягких складках и кашемировый свитер на ней сухие. Рыжие выющиеся волосы тяжело ниспадают на плечи.

Имя на звезде – Камилла Спенсер, но дева не Камилла Спенсер.

Розовый комок засохшей жвачки, еще несколько – розовые, серые, зеленые – безобразной коростой облепляют тротуар. На них следы зубов, а помимо того отпечатки подошв. Юная дева колупает комки острым носом фальшивых «манол», пока не отшвыривает мерзкие наросты ногой, пока звезда не становится если не совсем чистой, то чище хоть немного.

В пузыре тихой, безмятежной ночи дева берет подол юбки и подносит к губам. Она плюет на ткань, опускается на колени и оттирает до блеска имя, отлитое в латуни и впечатанное в розовый бетон. Когда к ней подъезжает «линкольн», она встает и кругом обходит звезду – с почтением, с каким обходят могилу. В одной руке у девушки наволочка. Пальцы – белый лак на ногтях облез – сжаты в кулак, белая ткань оттянута грузом жевательных конфет. В другой руке – надкусанный шоколадный батончик «Бэйби Рут».

Зубы в фарфоровых коронках машинально жуют. Полоска шоколада очерчивает пухлые надутые губы. Саисские пророки предупреждают: красота этой молодой женщины такова, что всякий увидевший ее позабудет любые удовольствия, помимо пищи и секса. Столь притягательна ее материальная форма, что узревший ее становится лишь кожей да желудком. И поют оракулы, что ни жива она, ни мертва – ни смертная, ни дух.

«Линкольн», остановившийся у обочины, сочится алым. Заднее боковое окно, зажужжав, чуть приотпускается, из шикарного салона раздается голос. Мужской голос посреди ока бури спрашивает:

– Шалость или угощение?

Со всех сторон на расстоянии брошенного камня ночь бурлит за невидимой стеной.

Губы девы, блестящие от помады – *ало-алой*, цвет под названием «охотница на мужчин», – ее полные губы улыбаются. Воздух до того тих, что можно почувствовать ее духи – аромат как у цветов, оставленных в гробнице и сохших под прессом тысячу лет. Она льнет к стеклу и говорит:

– Ты опоздал. Завтра уже настало. – Она похотливо подмигивает, медленно прикрыв глаз веком в бирюзовых тенях, и спрашивает: – Который час?

И ясно, что мужчина пьет шампанское: в этой тишине даже пузырьки лопаются громко. И громко тикают часы на его запястье. И голос из машины отвечает:

– Час, когда всем плохим девочкам пора в постель.

Молодая женщина вздыхает – уже задумчиво, – облизывает губы и улыбается не так уверенно. Полузастенчиво и полупокорно она говорит:

– Кажется, я нарушила свой комендантский час. Я поступила скверно.

– Осквернять бывает чудесно, – отвечает мужчина. – Как и быть оскверненной.

Тут дверь «линкольна» распаивается перед девой, и та без колебаний залезает внутрь. А дверь эта – врата, поют предсказатели. А машина – зев, пожирающий лакомство. И скрывает машину деву в своем желудке, нутро которого щедро обито бархатом, словно гроб. Тонированное стекло, жужжа, поднимается. «Линкольн» стоит, пар идет от капота, блестит глянцевый кузов. На нем теперь красная бахрома: по краям растет борода из свернувшейся крови. Малиновые следы колес ведут к месту, где припаркована машина. Позади нее буря, но здесь слышны только приглушенные ритмичные возгласы мужчины. Древние говорят о них как о мяуканье, как о пiske раздавленных крыс и мышей.

Наступает тишина, затем вновь скользит вниз стекло. Показываются обломанные белые ногти. В пальцах болтается латексная шкурка – уменьшенная версия наволочки, тяжело обвисший мешочек. Его содержимое: нечто мутно-белое. По латексной оболочке – она вся в ало-алой помаде – размазаны карамель и молочный шоколад. Вместо того чтобы выбросить мешочек в канаву, девушка прикладывает его к губам и, выдыхая, наполняет воздухом, надувает и ловко перетягивает открытый конец. Так повивальная бабка перетягивает пуповину новорожденного. Так клоун скручивает узел на воздушном шаре. Она завязывает надутую шкурку, запечатывая внутри млечное содержимое, и начинает ее сворачивать. Она гнет и вертит, пока трубка в ее руках не принимает форму человека: с двумя ногами, двумя руками и головой. Кукла-вуду. Размером с младенца. Она кидает это гадкое творение, измазанное сладостью с ее губ, с таинственной мутной жижей внутри, в центр ждущей его розовой звезды.

Согласно пророчеству, записанному Солоном, фигурка, легшая в священную форму пентаграммы, есть жертва из крови, и семени, и сахара; она – подношение, сделанное подле Голливудского бульвара.

Этой ночью и этим ритуалом начинается отсчет времени до Судного дня.

И вновь зеркальное окно встает на место. В этот миг буря, ливень и тьма разом скрывают машину. Как только «линкольн» отъезжает, увозя юную деву, ветры подбирают брошенного ею рукотворного младенца – завязанный пузырь – сотворенного кумира. Ветер с дождем гонят щедрый урожай убитых грызунов, пластикового сора и сухой жвачки, швыряют и волочат их по направлению силы гравитации.

21 декабря, 6:03 по центральноевропейскому времени

Я ем, следовательно, существую

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftlife.hell)

Милый твиттерянин!

Первым делом стоит заметить, что я всегда полагала свой разум органом пищеварения. Если позволишь, желудком, который переваривает знания. Человеческий мозг – складчатая сморщенная серая масса – крайне похож на кишечник. Эти мыслительные потроха расщепляют и перерабатывают события в историю моей жизни. Мои мысли приходят то ароматной отрыжкой, то едкой рвотой. Неперевариваемые хрящи и кости воспоминаний исторгаются вот этими самыми словами.

Вести честный блог – способ исправить жизнь, проживая ее задом наперед. Это все равно что есть чизкейк с арахисовым маслом, но в обратном порядке, и это так же гадко.

Скрученные, извилистые кишки моего мозга – своего рода живот интеллекта. Трагедии изъязвляют. Комедии подпитывают. В итоге, будь уверен, твои воспоминания надолго переживут твою плоть – я тому свидетельство. Меня зовут Мэдисон Дезерт Флауэр Роза Паркс Койот Трикстер Спенсер, и я – призрак. То есть: у-у-у! Мне тринадцать лет, и я несколько полновата. То есть я мертвая *и* жирная. То есть: хрю-хрю, уи-уи, реальный жиртрест.

Моя мама не даст соврать.

Мне тринадцать, я жирная и останусь такой всегда. И да – я знаю слово «изъязвлять». Я мертвая, а не невежественная. Слыхал про кризис среднего возраста? Его еще называют кризисом середины жизни. Так вот, у меня кризис середины смерти. Месяцев восемь я обитала в огненной преисподней, а теперь в виде духа застряла в физическом, во плоти живущем мире, более известном как чистилище. Это прямо как лететь в папином «саабе-дракене» на сверхзвуковой из Бразилии в Эр-Рияд, только нарезать круги в зоне ожидания над аэропортом, пока тебе не дадут добро на посадку. Говоря понятнее, чистилище – это место, где ты стираешь книгу своей жизни.

Что касается ада, жалеть меня не следует. У всех у нас есть тайны от Бога, и это утомительно. Если кто и заслужил гореть в негасимом озере вечного пламени, так это я. Я – чистое зло. Нет для меня наказания слишком сурового.

Моя плоть есть мое жизнеописание, *curriculum vitae*. Мой жир – мой банк памяти. Проплавленная жизнь заархивирована и записана в каждой толстой клетке моего призрачного сала. Для Мэдисон Спенсер сбросить вес – значит исчезнуть. Лучше плохие воспоминания, чем никаких. Будь уверен, жир ли у тебя, счет в банке или семья, которую любишь, однажды ты станешь бороться с нежеланием оставить во плоти живущий мир.

Поверь, когда умираешь, из всех людей труднее прочих отпустить себя самого. Да, милый твиттерянин, мне тринадцать, я – девочка, и я знаю слова *curriculum vitae*. Более того, я знаю, что даже мертвые не хотят исчезать совсем.

21 декабря, 6:05 по центральноевропейскому времени

Как меня лишили места среди тех, кого уже лишили Божьей

милости

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftlife.hell)

Милый твиттерянин!

Я не застряла бы здесь, на Земле, галапагосской каменюке, не пила бы теплую черепашью мочу людского соседства, если бы не хэллоуинские фокусы неких трех мисс Шлюшни Шлюхенс. В тот Хэллоуин я была мертва, а кровь моя вот уже месяцев восемь как слита. Да, меня проклинали за страшное убийство, о котором – чуть позже. В аду одна из главных пыток состоит в том, что каждый из нас втайне знает, за что оказался здесь. Сбежала я вот как. Согласно обычаю, в канун Дня всех святых население Гадеса целиком возвращается на Землю и от заката до полуночи добывает соленые орешки, изюм в шоколаде и тому подобное пропитание. Я недурно поживилась сладкими батончиками, шаря по жилым пригородам, чтобы пополнить сокровищницу ада, когда ветер донес из темной дали мое имя. Несколько девчачьих голосков – писклявых и канючливых – тянули:

– ...Мэдисон Спенсер... Мэдди Спенсер, явись нам, повинуйся нашим приказам!

Мы, отжившие, вам, досмертным, не дрессированные собачки. У мертвых есть дела поважнее, чем отвечать через идиотские колдовские доски на вопросы про выигрышные номера и про суженых. Ох уж эти ваши спиритические игры, столоверчения и другие дурацкие заманки для духов. Чтобы насобирать сладостей, у меня были каких-то четыре часа темноты,

и тут меня призывает хихикающая тусовка мисс Курви Курвикс. Эта троица сидела на моей бывшей кровати в интернате в швейцарском Локарно и хором голосила:

– Покажись, Мэдисон Спенсер! Дай посмотреть – на том свете твоя задница такая же толстая?

Шикая друг на дружку, мисс Подстилы Подстилянские нараспев проговорили:

– Открой нам тайну призрачной диеты, – приснули от собственного детсадовского юмора и повалились, пихая одна другую плечами. Они сидели по-турецки, пачкали обувью мою бывшую постель, попинывали изголовье, ели поп-корн, а на тарелке горели свечи.

– У нас есть чипсы, – дразнили они, шурша пакетиком. – Со вкусом барбекю. И луковый соус.

– На-ка, Мэдисон, – стала зазывать одна. – Иди-ка сюда, хрюшечка, иди...

Потом все вместе:

– Уи-уи-уи! Хрю-хрю! Сюда, поросенок, сюда! – понеслось в холодную хэллоуинскую ночь.

Они хрюкали. Они фыркали. Они звали, громко чавкали, хрустели питательными закусками, заходились визгом от хохота.

Нет, милый твиттерянин, я не убила их в приступе ярости. В тот момент, когда я пишу эти строки, они вполне живы, хоть и поприкусили языки. Довольно сказать, что я откликнулась на их кошачий концерт и прибыла на черном «линкольне». В тот Хэллоуин пакостное трио Шмари О'Шмарникс с моей помощью избавилось от скудного содержимого своих анорексичных кишок. Нехорошо, нехорошо я поступила. Оправдываю себя тем, что слегка нервничала – заканчивалось отведенное мне время.

Задержаться хоть на секунду означало быть изгнанной на унылую Землю, и каждое мгновение я помнила о длинной стрелке моих наручных часов, взбравшейся к двенадцати. Как только три мисс Лярви Лярвинс покрылись достаточным слоем собственного благоухающего харча и липких какашек, я рванула к «линкольну».

Верная машина, готовая умчать меня с места преступления, ждала там, где я ее оставила: у заиндевелого бордюра и снежной лужайки возле школьного общежития. Ключи висели в замке зажигания. Часы на приборной панели показывали одиннадцать тридцать пять – достаточно, чтобы вернуться в ад ко времени. «Ах, Земля», – подумала я несколько благодушно и даже с ностальгией, взглянув на старое здание, где прежде тайком жевала инжирные рулетики и почитывала «Паразитов» Дюморье. Все до одного окна ярко горели, многие были распахнуты, впуская морозный швейцарский воздух, ветер с ледяных склонов унылых Альп играл шторами. Из каждого раскрытого окна высывались головы богатых школьников: их рвало, и красный кирпичный фасад заливало длинными полосами непереваренной дряни. Жаль было отрываться от этого безмерно приятного зрелища, однако часы на панели показывали уже одиннадцать сорок пять.

Я тепло попрощалась со всем вокруг и повернула ключ в замке зажигания.

Повернула еще раз.

Ногой в мягких «басс виджунах» я нажала на педаль газа, слегка топнув по ней. Часы показывали одиннадцать пятьдесят. Я убедилась, что передача установлена на «парковку», и повернула ключ в третий раз.

О боги! И – ничего. Под капотом не заурчало. Любителям давать советы в чужих блогах, особенно тем, кто считает себя докой по части машин: нет, аккумулятор не сел – выключить фары я не забыла. И тем более – нет, динозавровый сок в баке не кончился. Раз за разом я отчаянно поворачивала ключ, время подбиралось к одиннадцати пятидесяти пяти. В одиннадцать пятьдесят шесть в машине зазвонил телефон, издавая старомодное «др-р-р др-р-р»; я не обращала на него внимания – я в панике пыталась открыть бардачок и разыскать инструкцию,

чтобы справиться с техническим кризисом. Прошло четыре минуты, телефон по-прежнему трезвонил. Готовая разрыдаться, я выдернула его из держателя и ответила резким «*Alors!*»¹

– «...Мэдисон чуть не плакала от досады, – раздался в трубке вкрадчивый мужской голос. – Сладкое чувство победы над школьными обидчицами обернулось горьким поражением: она обнаружила, что машина не заводится...»

Это был Сатана, Князь тьмы, который явно читал свою мерзкую рукопись – «Жизнь Мэдисон Спенсер», вероятную историю моей жизни, которую он, по его словам, записал еще до моего зачатия. Якобы на этих страницах каждый миг моего прошлого и будущего был продиктован им самим.

– «...малышка Мэдисон в ужасе отпрянула, услышав голос ее властелина в трубке телефона в “линкольне”», – продолжал читать Сатана.

– Это ты испортил машину? – прервала я.

– «...она знала, – произнес голос в трубке, – что на Земле ее ждало Великое Ужасное Предназначение...»

Я крикнула:

– Так нечестно!

– «...Вскоре у Мэдди не останется выбора – она решится на первый шаг и положит начало Концу света...»

Я снова крикнула:

– Ничему я не буду класть начало! – И еще: – Я не Джейн Эйр какая-нибудь!

Часы на приборной панели теперь показывали полночь. В отдаленной горной кирхе начал скорбно бить колокол. Еще до шестого удара телефон в моей руке стал растворяться. Исчезал и сам «линкольн», однако голос Сатаны все бубнил:

– «...Мэдисон Спенсер услышала далекий колокольный звон и поняла, что не существует. Она никогда и не существовала, разве лишь как марионетка, созданная служить невольно сексуальному и безумно красивому Дьяволу...»

Водительское сиденье таяло, и мой грузный пухлый зад опускался на асфальт. Последний удар эхом разнесся по ущельям унылой Швейцарии. Окна школьного общежития закрывались. Огни в окнах моргали и гасли. Задегивались шторы. Ремень безопасности, секунду назад пережимавший мой необъятный живот, теперь сделался не более материальным, чем туман. Рядом, будто оброненная кем-то, лежала поддельная сумка «Коуч», которую моя подруга Бабетт оставила на заднем сиденье машины.

Пробила полночь, и от «линкольна» осталось туманное пятно, серое облачко в форме автомобиля. Я сидела в канаве с перемазанной Бабеттовой сумочкой из искусственной кожи, брошенная посреди ветреной швейцарской ночи, совершенно одна.

Вместо боя колоколов донеслось синтезаторное дребезжание танцевальной мелодии. Это была песня «Барби Герл» европоп-группы «Аква». Рингтон. Прозвонил смартфон, который я откопала в сумочке среди презервативов и сладостей. На экране высветился номер с кодом Миссулы, штат Монтана. В сообщении говорилось: «СРОЧНО. Прoberись на рейс 2903 «Дарвин эйрлайнс» из Лугано в Цюрих, потом на 6792 «Свиссэйр» в Хитроу, оттуда 139-м «Американ эйрлайнс» в Нью-Йорк. Тащи свою задницу в отель «Райнлендер». Быстро!» Эсэмэска пришла от одного засмертного – синеволосого панк-рокера, мотающего срок в аду, от моего друга и наставника Арчера.

21 декабря, 8:00 по восточному североамериканскому времени

Возвращение домой

Отправила Мэдисон Спенсер

¹ *Alors* – да (*фр.*).

(*Madisonspencer@aftlife.hell*)

Милый твиттерянин!

Если спросить мою маму, она ответит: «Религии существуют, потому что для людей лучше неправильный ответ, чем вообще никакого». То есть мои родители не верили в Бога. То есть Рождество моя семья не отмечала.

Если родители как-то и представляли себе Бога, то в виде громадного, размером с гору, Харви Милка, исцеляющего озоновый слой, а вокруг него вместо херувимов – крылатые дельфины. И еще радуги – куча радуг.

Вместо Рождества мы праздновали День Земли; отмечали День рождения Свами Никхилананды сидячей медиацией дзадзен. Иногда плясали голышом с бубенцами на лодыжках под старыми секвойями: их ветки были густо увешаны замызганными гамаками и ведрами-туалетами экологических активистов – те в знак протеста селились на деревьях и обучали сов методам пассивного сопротивления. В общем, можешь себе вообразить. Не Санта-Клаус, говорили мама с папой, а Майя Анжелу² следит за тем, хорошо ведут себя детки или нет. Доктор Анжелу, предупреждали меня, ставит галочки напротив имен на длинном свитке из конопляной бумаги, и, если я сейчас не стану ворошить свою компостную кучку, десерта из водорослей на сладкое не получу. Мне-то лишь хотелось знать, что это важно для кого-нибудь мудрого и не производящего парниковых газов вроде доктора Майи, Ширли Чисхолм³ или Шона Пенна. Но Рождеством тут и не пахло. Когда ты умер, то понимаешь: вся эта гринписовщина – чепуха, а правы были те самые пристукнутые Библией, которые пьют стрихнин и берут змей на руки.

Нравится это кому или нет, но дорога в ад выложена экологически чистыми половицами из бамбука.

Поверь, милый твиттерянин, я знаю, о чем говорю. Пока мои во плоти живущие мама с папой добрую часть года жгли соевые свечи да молились Джону Риду, я была мертва и узнавала, как все устроено на самом деле.

21 декабря, 8:06 по восточному времени

Одна на вечеринке в честь моего возвращения домой

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftlife.hell)

Милый твиттерянин!

Я не из тепличных девочек-домоседок, однако в свете нынешних обстоятельств жажду укрытия в старом семейном гнезде. Пентхаусом в отеле «Райнлендер» мои родители владели сколько я себя помню. Там, на шестидесятипятиэтажной высоте над Лексингтон-авеню напротив «Блумингсдейла», я первым делом закроюсь в своей старой спальне среди мягких игрушек и романов Джейн Остин и до следующего Хэллоуина буду смотреть по кабельному «Вверх и вниз по лестнице». Может, перечитаю «Сагу о Форсайтах». Вроде ничто не мешает: если верить гламурной прессе, мои родители теперь в море на своей трехсотфутовой яхте «Пангея Крусейдер». Прямо сейчас они в Беринговом проливе пытаются помешать плавучему рыбозаводу истреблять касатку, голубого тунца или еще какой вымирающий супер-пупер-деликатес для суши. Всю эту возню доснимают к маминому новому фильму «Кашалоты в тумане»; она играет там отважного гидробиолога (а-ля Дайан Фосси⁴), которого во сне протыкают гарпу-

² Майя Анжелу – американская писательница и поэтесса, активный участник движения за гражданские права. – *Здесь и далее примеч. пер.*

³ Ширли Чисхолм – первая чернокожая американка, избранная в конгресс.

⁴ Дайан Фосси (1932–1985) – зоолог, известная многолетним исследованием горилл; была убита при невыясненных обстоятельствах.

ном безжалостные японские рыбаки. Съемки заканчиваются на следующей неделе, а гламурная пресса пишет, что «Оскар» фильму уже обеспечен.

Поверь, для мамы это не совсем игра: ее столько раз били во сне гарпуном, что не сосчитать.

И в ответ на похабный комментарий, который только что оставил Леонард-КлАДезь: да, в фильме есть три момента (очередной эксклюзив от гламурной прессы) со знаменитой на весь мир маминой грудью – в сценах, где голая мама блаженно плавает со стадом дружелюбных кашалотов.

Для вас, будущих покойников, кинофильм – плоская зримая реальность со звуком, но без запахов или тактильных ощущений; ровно то же для нас, духов, мир живых. Я могу перемещаться среди людей, их движения и шум обтекают меня, но живые видят меня не более чем актеры на экране – зрителей. Рискую показаться совсем уж жалкой – толстой семиклассницей-очкариком в школьной форме, – но я прекрасно знаю, каково чувствовать себя невидимой. А вот принять тот факт, что физические преграды мне теперь не помеха, – тут надо куда больше терпения. Я прохожу через швейцаров и закрытые двери холла так же просто, как вы сквозь дым или туман, и ощущаю разве только легкую щекотку в призрачном горле или дрожь по всему телу.

Есть и недостатки: люди не только смотрят сквозь меня – они сквозь меня *проходят*. Это не случайный физический контакт, тебя не просто щупают. Внутрь тебя по-настоящему проникают. С тобой смешиваются. Тебя оскверняют физиологией этих делающих покупки, едящих, блудящих кусков одушевленного мяса. Ты чувствуешь в себе ту же пакость, муть и дезориентацию, что и досмертный идиот, который в тебя впилился.

И да, я всерьез намерена пользоваться словами вроде «дезориентация» – привыкай. Пусть я мертвая жирная корова, но я не буду изображать дуру только потому, что у тебя Ctrl+Alt+Комплексы по поводу твоего подросткового лексикона. И не-не-не, я определенно не намерена пользоваться интернет-сленгом. Джейн Остин сознательно не оживляла свои ироничные повествования эмоджиками, оттого и мне не пристало.

Повторюсь: к посмертной жизни привыкать и привыкать. К примеру, гостиничные лифты. Глупые люди просто берут и втискиваются в кабинку. В «Райнлендере» я ехала в пентхаус, стоя наполовину в толстой, напичканной коллагенами тетке, сбегавшей в Штаты от налогов, а наполовину в ее вертлявой чихуа-хуа (из тех, с выводением которых явно перестарались). Ощущение такое, будто плаваешь в минералке, смешанной с силиконом. Я чувствовала соленый вкус ее ботокса, от забродивших бета-блокаторов в ее крови у меня кружилась голова, я стояла в теплой ванне из химикатов, составляющих чихуахуа, – о боги! Шестидесят пять этажей подряд я пропитывалась мексиканской собачкой – скорее бы в душ и отмыть шампунем призрачные волосы.

Я просачиваюсь в коридор сквозь дверь, помеченную «ПХ» (без соседей, держать животных нельзя, курить – тоже), и вступаю в холл пентхауса. Впервые с самого прибытия в унылый Нью-Йорк я оказываюсь в совершенной тишине. Машины не сигналият. Назойливые досмертные не трещат по мобильным на всех языках ООН. Центральная гостиная заставлена мебелью, каждый стул, стол и книжный шкаф – в чехлах от пыли. Даже люстры обернуты белой марлей: ткань внизу собрана в пучок и свисает прозрачными хвостами эктоплазмы. Впечатление такое, будто я попала на тихую тусовку к толпе привидений, только мультяшных, нацепивших на себя простыни, чтобы зловеще повить. Это сборище призраков – словно диковатая тематическая вечеринка по случаю моего возвращения, правда, устроили его, чтобы надо мной посмеяться. Съезд духов великих и малых. Откровенно говоря, я Ctrl+Alt+Обижена столь нечутким приемом.

По старой привычке – мама блюла такие порядки во всех наших домах от Манагуа до Токио – я разужаюсь у двери.

Из огромных окон за вышеупомянутым суаре лжепривидений открывается вид на архитектуру Манхэттена. Плотно стоящие здания – мрачные небоскребы – крайне напоминают ряды серых надгробных плит. Башни, набитые людьми, смахивают на обломанные колонны, шпили и обелиски, на выставку памятников, которыми отмечают захоронения. За окнами лежит гигантский погост. Большое Яблоко. Разросшийся склад будущих покойников.

Пойми меня правильно, милый твиттерянин, я не хочу наводить тоску, не хочу быть усопшим нытиком, однако есть подозрения, что я страдаю от своего рода посмертной депрессии. Когда новизна загробных ощущений уходит, становится довольно паршиво.

В ответ на трогательную запись, которую сделал Могавк-Арчер666: да, призракам бывает одиноко. Если хочешь подробностей, мне немножко грустно, я чувствую себя ненужной, забытой. Мое сердце раздулось бы как шарик, наполненный горячими слезами, раздулось бы и лопнуло, если бы я увидела своих; увидела бы их, а они меня – нет. Отрезанная от всего, кроме собственных мыслей и чувств, я, призрак, лишенный возможности с кем-либо общаться, стала стопроцентной одиночкой.

Я не просто позабыта, я ощущаю себя покинутой абсолютно всеми.

Тихо, в призрачных носках, я прохожу по коридору мимо папиной курительной, маминого зальчика для йоги и вижу, что дверь в мою спальню заперта. Ну конечно, заперта, и кондиционер врублен в режим морозилки, и шторы задернуты, чтобы игрушки и одежда не выгорели на солнце. Чтобы комната оставалась храмом возлюбленной усопшей дочери. На мгновение замираю, как дура, пытаюсь угадать, какой у мамы пароль на систему безопасности. Первый мой вариант: *КамиллаСпенсер-величайшаяизнынеживущихактрисдо40лет*. Второй: *нетянеубиваламилогокотеночкамоейдочки!* Еще один: *ялюбилабыМэдисонгораздобольшееслибыонаменьшевесила*. Все три варианта очень правдоподобны, но тут я соображаю, что могу просто взять и пройти.

А проходить сквозь дверь или стену немногим приятнее, чем делить молекулы с чихуахуа. На меня налетают опилки, я ощущаю маслянистость множества слоев бледно-голубой латексной краски.

В моей спальне глазам предстает примерно то же зрелище, что и в гостиной: кровать, низкое кресло без ручек, письменный стол – каждый предмет в белом чехле... только на постели под белой простыней лежит человеческая фигура. В изножье два холма: видимо, стопы. Дальше тощие ноги. Потом, судя по форме, бедра, живот и грудь. Затем ткань провисает – вероятно, над шеей – и идет вверх по лицу, куполом поднимаясь на кончике носа. И я, как медведь из сказки про трех медведей, понимаю, что кто-то занял мою кровать. Возле нее на зачехленном столике свернулся наподобие гнезда белокурый парик. В центре гнезда, как яйца, – зубные протезы, слуховой аппарат, похожий на большую пластмассовую креветку розового цвета, пачка «Голуаз» и золотистая зажигалка. Рядом с этими артефактами стоит в рамочке обложка журнала «Кэт фэнси», а на ней фотография: мама и я, обнимающая котенка с рыжими полосками и горящими глазами. Мамино лицо пропитано ботоксом, зато моя улыбка – застывший миг неподдельной радости. Сверху заголовок: «Кинозвезда и котенок-Золушка: хеппи-энд».

Специально для Паттерсона54: призраки тоже чувствуют печаль и ужас.

После смерти испытания не заканчиваются. По ту сторону смерти тоже есть смерть. Хочешь не хочешь, а смерть вовсе не конец.

Любому будет неприятно войти в тихий, уединенный гостиничный номер и найти там труп, тем более в собственной детской кровати. Это кто-то пришлый – наверняка гондурасская горничная, которая беспардонно избрала местом самоубийства мою славную постельку в окружении мягких игрушек: импортных штайфовских мишек и коллекционных гундовских жирафов⁵. Она скорее всего наелась мамино ксанакса, и теперь ее мерзкое гондурасское тело

⁵ «Штайф» и «Гунд» – компании, выпускающие мягкие игрушки.

разлагается, а физиологические жидкости пропитывают мой хастенский матрас ручной работы и простыни марки «Порто» – шестьсот нитей на квадратный дюйм.

Злость пересиливает во мне страх, я подхожу ближе, берусь за верхний край марли и тяну вниз, открывая тело. Это древняя мумия. Карга. Беззубые десны сморщились. Голову в углублении подушки венком окружают редкие седые волосы. Одним движением я срываю белую ткань и бросаю на пол. Ноги старухи вытянуты, руки скрещены на груди, пальцы костлявые, на каждом блестящие коктейльные кольца. Ее платье мне знакомо: дымка аквамаринового бархата, густо расшитого пайетками, стразами и мелким жемчугом. Высокий разрез на юбке приоткрывает костлявую ногу в синих венах от бедра до стопы и до прадовских босоножек. Туфли совсем новые – ценник на подошве почти не стерся. Светлый парик, платье – все это смутно знакомо. Мне припоминаются одни похороны сто тысяч лет назад. И вот уж чудо из чудес: я ощущаю запах сигаретного дыма. Нет, я клянусь, призраки не чувствуют запахов и вкусов мира живых, но от старушки разит табаком. И тут у меня само собой вылетает:

– Бабушка Минни?

Накладные ресницы, похожие на паучьи лапки, вздрагивают. Один край отлепился, отчего вид у старушки несколько безумный. Она моргает, приподнимается на локтях и щурится в мою сторону бельмами. Морщинистое лицо расходится в улыбке, и десны шепелявят:

– Пампушечка?

Для СПИДЭмили-Канадки: это атас. Даже если ты умер, сердце схватывает так же больно, режет, как аневризма, которая распухает от слез и вот-вот лопнет.

Бабушка переводит взгляд с меня на подол своего платья, опять на меня, потом на пайетки и на бархат, приоткрывающий старческие ноги, и говорит:

– Ну и дела! Ты посмотри только: твоя мамаша вырядила меня на похороны проституткой! – Трясущаяся, вся в кольцах рука тянется к столику и хватает пачку «Голуаз». – Дай-ка огонечку бабушке Минни. – Она подносит сигарету ко рту, ее дряблые губы складываются, как для поцелуя, и обхватывают фильтр.

21 декабря, 8:09 по восточному времени

Тошнотворная семейная встреча

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftirlife.hell)

Милый твиттерянин!

Бабушка, расположившаяся на атласном покрывале моей кровати, кладет одну тощую ногу на другую, и под высоким разрезом юбки мелькает неприятный вид. Меня передергивает.

– Мы похоронили тебя... без нижнего белья?

– Глупая у тебя мамаша, – вместо ответа замечает бабушка. Платье у нее без рукавов, она разглядывает татуировку, которая колючим орнаментом обхватывает ее запястье, тянется к локтю и дальше по плечу. Черные шипастые линии складываются в слова «Я [] Камиллу Спенсер... Я [] Камиллу Спенсер...» – и между фразами наколоты цветущие розы. Бабушка плюет на палец и трет буквы на запястье, говоря:

– Что это еще за приторная дрянь?

Она не видит, но татуировка бежит от плеча к шее, обхватывает ее удавкой, а заканчивается большой розой почти во всю щеку. Это многократное признание набили на ее старой, иссушенной солнцем коже после смерти по настоянию моей матери.

Уперев голову в подушку, бабушка Минни смотрит на грудь, сильно выпячивающуюся из-под платья.

– Силы небесные... Что твоя мамаша натворила?

Крючковатым старческим пальцем она осторожно тычет в упругий выступ – еще одну посмертную обнову.

Она курит призрачную сигарету, дымит на всю комнату и хлопает ладонью по кровати рядом с собой, приглашая сесть. Я, разумеется, сажусь. Я сердита и разобижена, однако учтива. Я только присаживаюсь – не вступаю в разговор и уж тем более не лезу обниматься и целоваться. Прихваченную поддельную сумку «Коуч» я кладу поближе, сую руку внутрь и копаюсь среди бирюзовых эйвонских теней, конфет и презервативов, вытаскиваю странный смартфон и принимаюсь печатать: обращаю злые мысли в слова... в предложения... в раздраженные записи в блоге.

Пишу я честно, и ты можешь решить, что я – самое бессердечное тринадцатилетнее привидение, когда-либо ступавшее по Земле, но мне уже хочется, чтобы моя драгоценная давно покойная бабушка Минни заработала рак легких и умерла во второй раз.

Между затяжками ядовитой палочкой она спрашивает:

– Тут шныряет один медиум – не видала? Оглобля такая – у него еще плохая кожа и коса, как у китайца. – Она смотрит на меня прищурившись.

Адскигорячая Бабетт, будь спокойна: с твоей сумкой я обращаюсь аккуратно.

Бабушка Минни – мать моей мамы. Наверняка в свои лучшие годы она была оторвой: коротко стриглась, сверкала нарумяненными коленками под джаз, отплясывала джиттербаг с Чарлзом Линдбергом⁶ на припорошенных кокаином столиках в бутлегерских клубах, гоняла ночами в енотовой шубе по Вест-Эггу на «стутц-беаркатах» и закусывала золотыми рыбками, но я-то знала ее уже порядком обветшавшей – воспитание моей матери вряд ли добавило ей молодости.

К моему появлению на свет бабушка Минни уже коллекционировала пуговицы и нянчилась с ишиасом. И курила как паровоз. Помню, когда я приезжала к ней в глушь на север штата Нью-Йорк, она заваривала чай в банке из-под маринованных огурцов: заливала в нее воду и ставила на солнечный подоконник. Если не считать всей этой норман-роквелловщины⁷, у нее в доме воняло, как в пещере троглодита: будто она готовила всю пищу, надергав что росло на грядке и бросив в кастрюлю на огонь, – зато *свое, домашнее*; хоть бы раз позвонила в ресторан и заказала *moules marinières tout de suite*⁸.

В бабушкину ванну после тебя не проскальзывали тихонько горничные-сомалийки, не отдраивали ее и не расставляли новые пузырьчики с грейпфрутовым шампунем. Неудивительно, что мама еще подростком сбежала из дома, потом стала всемирно известной голливудской звездой и вышла замуж за моего папу-миллионера. Долго в босоногую сельскую романтику не поиграешь. Пока я находилась в ссылке на своей Эльбе в унылой глуши, мать уезжала со съемочной группой ЮНЕСКО в Калахари учить бушменов пользоваться презервативами, отец командовал враждебным поглощением «Сони Пикчерз» или прибирал к рукам мировой рынок оружейного плутония. Я же делала вид, что интересуюсь брачными песнями диких птиц.

Я не сноб. Меня нельзя называть снобом, поскольку я давным-давно простила бабушку за то, что она жила в глухомани на ферме. Простила за то, что она покупала домашний сыр, и за то, что не разбиралась, чем отличается шербет от мороженого. Надо отдать должное бабушке Минни: она познакомила меня с Элиной Глин и Дафной Дюморье. А я со своей стороны терпела ее манию самой разводить томаты, хотя нам в любой момент могли доставить помидоры несравненно лучшего качества. Вот как сильно я ее любила. Возможно, это покажется несправедливостью, но я до сих пор не простила ее за то, что она умерла.

Ногтями, длинными, как палочки для еды (их приладила для похорон моя мама), бабушка Минни снимает частичку табака, прилипшую к языку, и говорит:

⁶ Чарлз Линдберг – американский летчик, первым совершивший одиночный перелет через Атлантику.

⁷ Норман Роквелл (1894–1978) – американский художник, прославившийся иллюстрациями бытовых сцен, написанных, на взгляд некоторых критиков, излишне идеалистически и сентиментально.

⁸ *Moules marinières tout de suite* – мидии (*фр.*).

– Твоя мамуля наняла одного мужика отыскать твой дух, так что держи ушки на макушке. Даже больше скажу: он вроде частного детектива, который разыскивает мертвых, и сейчас он в этом самом отеле!

Я сижу в гостинице, в своей старой спальне среди штайфовских обезьянок и гундовских зебр, и вижу только прикуренную сигарету. Законную форму самоубийства. В ответ на комментарий Леонарда-КлАДезя: да, я веду себя мелочно. Разрешите откровенно: я не совсем лишена сопереживания, но, на мой взгляд, бабушка меня бросила. Она покинула меня, потому что сигареты ей были важнее. Я любила ее, но еще сильнее она любила смолу и никотин. И вот сегодня, обнаружив ее у себя в спальне, я решаю не повторять ошибку и в этот раз ее уже не любить.

Мама не простила ее за то, что она не была Пегги Гуггенхайм⁹, я – за курение, готовку, садоводство и смерть.

– Ну, пампушечка, – спрашивает бабушка Минни, – где обреталась?

То тут, отвечаю, то там. Как я умерла, даже не говорю. И ни слова о том, что меня сослали в ад. Пальцы продолжают набивать текст, они выкрикивают все, о чем я не смею сказать вслух.

– А я была там. В раю, – говорит бабушка Минни и тычет сигаретой в потолок. – Мы оба вознеслись – я и твой Папчик Бен. Да только незадача: на небесах тоже приняли тутошний запрет на курение. – И с тех пор, рассказывает она, все как у офисных работников, которые кучкуются на улице в любую погоду, чтобы подымить раковыми палочками: моя мертвая бабушка ради своей гадкой привычки спускается в виде духа на Землю.

По большей части я слушаю и высматриваю в ее чертах свои. Ребенок и старая карга: в некотором роде «было и стало». Ее крючковатый попугайский клюв и мой носик-пуговка, правда, облученный ультрафиолетом ста тысяч летних дней на ферме. Ее каскад всевозможного вида подбородков и мой нежный девичий подбородочек – всего-то тройной. Перевожу разговор на погоду. Она лежит на гостиничной кровати, курит, я сижу рядом на краешке и спрашиваю, не притаился ли тут же в «Райнлендере» и Папчик Бен.

– Ягодка моя, – отвечает она, – брось ты копаться в калькуляторе, пообщайся со мной. – Бабушка Минни ворочает по подушке призрачной головой из стороны в сторону, выпускает в потолок струю дыма и говорит: – Нету здесь твоего Папчика – не захотел пропустить момент, когда в рай прибудет Пэрис Хилтон, он желает ее поприветствовать.

Дай мне сил, доктор Майя, не воспользоваться эмотиконом.

Пэрис Хилтон – в рай?

Не могу себе такого даже Ctrl+Alt+Вообразить.

Я сижу, смотрю в бабушкино лицо, и тут до меня доходит, что я не вижу ее мыслей. Мысли... мышление... доказательство нашего существования, которое приводит Рене Декарт, – они такие же невидимые, как призраки. И как наши души. Похоже, если наука намерена отвергнуть идею души за неимением физического подтверждения, пускай ученые отрицают и наличие мыслительного процесса. Сделав такое наблюдение, я бросаю взгляд на запястье, на массивные практичные часы, и вижу, что прошла только минута.

Бабушка замечает движение моего локтя и поворот руки, говорит:

– Лапонька, ты скучала по бабушке? – и выпускает в потолок еще один фонтанчик дыма.

– Да, – вру я, – скучала, – сама же набираю в смартфоне обратное.

Тут я не могу не отметить про себя, что это – главный конфликт моей жизни: я люблю, я обожаю свое семейство, но только когда мы порознь. Стоит мне порадоваться встрече с давно умершей бабушкой Минни, как тут же страшно хочется, чтобы мою драгоценную полуслепую старушку курильщицу подвергли эвтаназии.

⁹ Пегги Гуггенхайм – известная американская галеристка и светская дама.

Грустная правда состоит в том, что медицинская эвтаназия – в лучшем случае разовое решение.

И тут я слышу звук.

Он идет из холла пентхауса. Смех.

– Это твой волосатый сыщик-медиум? – спрашиваю я.

Бабушка Минни показывает сигаретой туда, откуда доносится шум – мужской смех, – и говорит:

– Вот потому тебе и не стоит быть здесь, воробышек. – Она сбивает призрачный пепел с призрачной сигареты и подносит ее обратно к губам. – Я тут секретно расследую одно дельце, – произносит она и опять выпускает дым. – Думаешь, мне охота валяться посреди твоих дурацких погребушек? Мэдди, миленькая, ты наткнулась на пост наблюдения.

21 декабря, 8:12 по восточному времени

Место встречи раскрыто!

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@afirlife.hell)

Милый твиттерянин!

Где-то внутри гостиничного номера тяжело лязгает дверной засов. Стук ему не предшествует. Вежливое «горничная!» или «обслуживание номеров!» тоже. Это дверь из общего коридора в гостиную. Щелкает замок. Петли негромко вздыхают, из холла доносятся приглушенные шаги по мраморной плитке.

Печально, однако мертвые по-прежнему способны испытывать мучительную неловкость. Засмертным, как и вам, покуда не разложившимся, бывает страшно стыдно признаваться кое в чем.

К примеру, вот в таком: самые сладкие часы детства я провела, прижавшись ухом к двери родительской спальни. В тех нередких случаях, когда в Афинах, Абу-Даби или Акроне от меня бежал сон, я с наслаждением подслушивала чувственное пыхтение родителей. Их коитальные стоны действовали на меня как лучшая на свете колыбельная. Для моего детского уха это мычание и сопение служило доказательством семейного благополучия. Спазматические животные возгласы подтверждали: мой домашний очаг не развалится, как у всех остальных богатых детей – моих друзей по играм. Впрочем, не то чтобы друзья по играм у меня были.

Постукивания. Легкие удары. У медиумов привидения постоянно во что-нибудь колодят. Для духов, застрявших в физическом мире, это лишь общие правила вежливости. Говоря проще, никому не охота войти в комнату и увидеть, как досмертный какает или занят энергичным перепихоном.

То есть, прежде чем войти, призраки всегда стучат. Я тоже. Я – в особенности. По пентхаусу отеля «Райнлендер» я следую за отцовским смехом, за цоканьем копыт чистопородного жеребца (*щелк-щелк* его туфель ни с чем не спутаешь) и за взрывоопасным *тик-так* высоких каблуков пары «маноло бланик». Звуки выводят меня к закрытой двери нью-йоркской спальни моих родителей. Я уже собираюсь пройти сквозь крашеное дерево, как изнутри доносится:

– Скорее, любимая. Мы страшно отстаем от графика. Уже несколько часов, как мы должны трахаться...

Голос – отцовский голос – останавливает меня. Что следует сказать о знаменитом Антонио Спенсере? Голова его напоминает эстетичный валун. Этакая достопримечательность. Разговаривая, он, как правило, изображает диктора, но сегодня голос у него теплый, без стали.

Я передумываю просачиваться сквозь дверь, чтобы не застать животную сцену, и принимаюсь расхаживать по холлу, снедаемая чувством вины.

Мой взгляд падает на электрическую розетку. Этот метод мы вскоре рассмотрим подробнее, пока же просто прими как факт, что моя призрачная эктоплазма втекает в крохотные

отверстия и ползет по медным проводам в стене. Представь Чарлза Дарвина, который путешествует среди испарений по речной системе Амазонки. Добравшись до распределительной коробочки, я наугад выбираю провод, следуя по нему до новой розетки и скоро натываюсь на вилку. Я скольжу по меди, перепрыгиваю разомкнутое место в выключателе, лезу выше и упирюсь в тупик внутри лампы. Это, заметь, не просторная эдисонова лампа накаливания, это тесная, витая люминесцентная лампа в прикроватном светильнике. Вид на комнату загромождает пергаментный абажур. Я скручена внутри стеклянной трубки – энергосберегающей, экологичной (все, как любят мои родители), – а ртуть на вкус Ctrl+Alt+Омерзительна. Из-под абажура мне виден только прикроватный столик. Там, на деревянных прожилках, как предметы современного горячего натюрморта, лежат смартфон, медная цепочка с ключом от номера, будильник и разорванная упаковка презервативов.

Чу! – умиротворяющее хлопанье: мои родители неистово тормозят свои старческие центры удовольствия.

Запомните, будущие мертвецы: всякий раз, как вы отключаете люминесцентную лампу или электронно-лучевую трубку, вы видите в них остаточное зеленоватое свечение. Это человеческая эктоплазма. Привидения постоянно попадают в эту ловушку.

Скрученная внутри темной лампы, я, призрак, услаждаю себя тем, что тайком подслушиваю. Родителей за абажуром мне не видно, однако я разбираю, как отец хрипло шепчет нежности.

– Помедленнее, детка, – говорит он. – Обожаю, когда ты так делаешь, но не спеши. Еще немного, и ты доведешь меня до предела...

Тут под абажур вползает рука. Костлявая рука-паук. Рука-змея в плавном сплетении мускулов и в коже, гладкой, как чешуйки ящерицы. На ногтях облесший белый лак. Розовые полосы, словно борозды на паровом поле, тянутся от ладони почти через все предплечье; они рваные, будто эти несколько дюймов пропахал старый грязный фермер, прежде чем рухнуть замертво в одиночестве от сердечного приступа.

Надрезы – грубо нанесенные и только затянувшиеся – выдают в их владельце вероятного самоубийцу. Милые твиттерные, мне знакомы эти шрамы, эта рука.

Я узнаю отметину тяжелой жизни в безлюдной сельской глухомани.

Под каждым ногтем коричневый полумесяц. Шоколад. Опытнейшему едоку очевидно, что шоколад молочный, с внешнего слоя батончика «Бэйби Рут». Пальцы скользкие от пота и липкие от карамели. Они пробегают по стеклу лампы, практически гладят мое лицо, пачкают мне волосы. Они ласкают и домогаются призрачной, запертой в трубке меня. Эти пальцы пахнут, как трусы моего отца, киснувшие на дне перегретой бельевого корзины. Они пахнут, как пахла мама, когда все утро хихикала и не вылезала из банного халата. В такие дни она безмятежно налила органический сок из ростков пшеницы, а щеки у нее румянились, натертые отцовской щетиной.

Канареечно-желтого обручального кольца моей матери нет; эта вползшая на столик кисть – не мамина.

За паучьими пальцами змеится предплечье, тощее плечо, тонкая шея. С кровати высывается лицо, два глаза смотрят из-под нижней кромки абажура прямо на меня, пальцы при этом нащупывают и поворачивают выключатель. Лицо не старше, чем у хорошенькой выпускницы школы; в шестидесятиваттном свете я вижу: это не мамино лицо.

Вокруг рта размазана помада. Лиловатые пятна на щеках там, где усы должны были натереть мамино лицо. Она заглядывает под абажур, будто под юбку. Блудница смотрит с улыбкой на свет из моего убежища и шепчет:

– Который час?

21 декабря, 8:16 по восточному времени

Призыв о помощи

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftirlife.hell)

Милый твиттерянин!

И до смерти, и после товарищи предают меня. Девушка, которую мы застали за беззастыдливым кувырканьем с моим весьма женатым отцом, до недавнего времени была мне верным другом и наставником в аду. Вероятно, в Хэллоуин она тоже не вернулась вовремя, но как ей удается явление в физическом теле и плотский контакт с досмертными – это загадка.

Обращаюсь с особой просьбой к друзьям, какие еще остались у меня в огненном подземном мире. Вам, умник Леонард, спортсмен Паттерсон, мизантроп Арчер и милая крошка Эмили, неведомо, что пока жизнь в Гадесе текла установленным порядком, я по нечаянности вышла на связь со своими во плоти живущими родителями. Я позвонила им по телефону ненароком, и разговор с дочерью, которую они едва похоронили, их, вполне понятно, опечалил. Дабы успокоить горящую маму с папой, я дала совет, как им жить дальше. Вероятнее всего, совет этот приведет их в преисподнюю.

Подземные друзья, прошу вас: если родители умрут за год моего отсутствия, пожалуйста, позаботьтесь о них. Пусть они чувствуют себя как дома.

21 декабря, 8:20 по восточному времени

Место встречи. Продолжение

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftirlife.hell)

Милый твиттерянин!

В поисках вещественных доказательств взаимного вожделения моих родителей я, досмертный ребенок, рылась в грязном белье. Вонь и влага простыней служили материальным свидетельством того, что отец и мать все еще любят друг друга, и эти сладострастные пятна подтверждали их чувства лучше любых цветистых, записанных от руки сонетов. Их выделения доказывали, что все стабильно. Скрип матрасных пружин, шлепанье плоти о плоть говорили о биологической привязанности, более крепкой, чем клятва у алтаря.

Отвратные разводы их телесных жидкостей были документом, гарантирующим наш общий хеппи-энд. Однако теперь все, кажется, обстоит иначе.

– Во имя Мэдисон, – пыхтит отцовский голос, – ты хочешь затрахать меня до смерти, Бабетт?

Эти знакомые глаза, окаймленные бирюзовыми тенями и покрашенными ресницами, – плотоядные вены мухоловки. Мочки ушей оттянуты сияющими кубическими камушками из циркония размером с десятицентовик. Интимно мурлыча и продолжая смотреть на меня в лампе, молодая женщина, Бабетт, спрашивает:

– Скучал по ней?

Отец в ответ молчит. Его раздумья растягиваются в холодную вечность. Наконец он говорит:

– По кому? По жене?

– По дочери. Ты скучал по Мэдисон?

Возмущенное взрыкивание.

– Я *стучал* по ней? Ты спрашиваешь, бил ли я ее?

– Нет, – говорит Бабетт. – Ты *скучал* по ней?

После долгой паузы отцовский голос, искаженный досадой, произносит:

– Я был потрясен, когда узнал, что рай вообще существует...

– Мэдисон не соврала бы, – подначивает меня Бабетт, – ведь правда?

– Я скажу ужасную вещь, но еще больше я удивился, что Мэдисон туда пустили. – Смешок. – Откровенно говоря, я просто обалдел.

Мой собственный отец считает, что место мне – в аду.

Но куда страннее другое: я подозреваю, что Бабетт видит меня. Я уверена в этом.

Быстро и сухо отец прибавляет:

– Могу даже представить Мэдисон в Гарварде... но в раю?

– И все-таки она теперь там, – настаивает Бабетт, хотя видит меня здесь, застрявшей на земле, висящей на расстоянии вытянутой руки от их посткоитального диалога. – Мэдисон говорила с тобой из рая, да?

– Пойми меня правильно, я любил Мэдди, как только отец может любить ребенка... – Пауза такая долгая, что я впадаю в ярость. – Если честно, у моей девочки были свои недостатки.

Пустыми словами Бабетт словно бы пытается закруглить разговор:

– Наверное, это больно признавать.

– Если честно, моя Мэдди была трусишкой.

Бабетт театрально ахает:

– Не говори так!

– Но это правда. – Голос у отца уставший, смиренный. – Все это понимали. Она была бесхребетной, безвольной трусишкой.

Бабетт ухмыляется мне и говорит:

– Только не Мэдди! Только не бесхребетной!

– Таковы эмпирические выводы нашей команды экспертов-бихевиористов, – заверяет отцовский голос угрюмо. Подавленно. – Она скрывалась за защитной маской ложного превосходства.

Стиснутые потроха моего мозга выворачивает от таких его заявлений. Слова «команда» и «выводы» застревают в ушах.

– Ее глаза следили за всем и все оценивали, – сообщает отец, – особенно мать и меня. Мэдисон хаяла любую чужую мечту, а на собственные ей не хватало ни храбрости, ни веры. – Будто выкладывая последний печальный козырь, он прибавляет: – У нас даже не было оснований считать, что бедняжка Мэдди хоть с кем-то дружила...

Это, милый твиттерянин, неверно. Моим другом была Бабетт. Впрочем, она не самый лучший пример дружбы.

Слишком уж быстро и слишком ласково Бабетт говорит:

– Тони, нам не надо это обсуждать.

И так же слишком пылко папа отвечает:

– А мне надо. – Тон у него одновременно праведный и обреченный. Отец говорит: – Леонард нас предупреждал. Давным-давно. Еще задолго до ее рождения он сказал: любить Мэдди будет очень непросто.

Прищурился глаза и ухмыльнувшись мне, Бабетт подхватывает тему:

– Леонард? Который проводил телефонные опросы?

Почти слышно, как отец мотает головой.

– Пусть он и телефонный опросчик, зато сделал нас богатыми. Он предупреждал: Мэдисон будет притворяться, что у нее есть друзья. – Папа негромко смеется. И вздыхает: – Как-то раз Мэдисон просидела все зимние каникулы совершенно одна...

О нет. Во имя Сюзан Сарандон, слышать это не могу! Мой призрачный мозг, раздутый желудок моей памяти пухнет и ноет.

– Нам с матерью она сказала, что проведет праздники у друзей на Крите, а сама три недели только ела мороженое и читала всякий трэш.

Тьфу ты, милый твиттерянин! О боги! Роман «Навеки твоя Эмбер» не трэш. И я не безвольная и не трусливая.

Бабетт сюсюкает:

– Мэдисон, она же такая славненькая... Быть того не может. – А по глазам цвета мочи видно, что она от души надо мной ржет.

– Так и было, – говорит папа. – Мы все каникулы наблюдали за ней через школьные камеры безопасности. Бедная одинокая толстушка.

21 декабря, 8:23 по восточному времени

Бывшая (?) подруга...

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftirlife.hell)

Милый твиттерянин!

Отец совершенно не заморочен условностями и улаживает наш слух могучим кряхтением. Грохочут вулканические извержения, которые не приглушаются понятиями о сдержанности или прикрытыми дверьми. Встав с кровати, он босиком прошлепал через комнату и оседлал стульчак в смежной уборной, где кафельные поверхности усиливают череду плюхающих звуков.

Пока его нет, Бабетт опять заглядывает под абажур в мое убежище.

– Мэдисон, не злись, – шепчет она. – Можешь не верить, но я пытаюсь тебе помочь.

Доносится голос отца:

– Бабби, ты что-то сказала?

Она не отвечает ему и продолжает:

– Не обманывайся. Думаешь, автонабор соединил тебя с родителями ни с того ни с сего? – Бабетт кричит шепотом: – Все, что с тобой произошло, не случайность! Ни «Путешествие на “Бигле”». Ни Диснейуорлд. – Она раздраженно говорит: – А те, кого ты считаешь своими мертвыми друзьями... не друзья они тебе. Нерд, качок и панк – у них свой интерес находиться в аду!

Если верить Бабетт, все вы, Леонард-КлАДезь, Паттерсон54 и Могавк-Арчер666, – злоумышленники. Она заявляет, что вы намерены уничтожить Творение и навечно установить свои порядки. Вы подружились со мной в аду. И вы пристроили меня работать на телефоне. Она говорит, все это – часть грандиозного плана, которому уже сотни лет.

– Они называют себя освобожденными сущностями, – твердит Бабетт, – они отказываются принимать сторону Сатаны или сторону Бога.

Слышен звук спускаемой воды.

– Не дай им одурачить тебя, Мэдди. – Бабетт грозит перемазанным в шоколаде пальцем и говорит: – Ты, подружка, не представляешь, какую нездоровую херню они для тебя задумали... – Она шепчет: – Я пока твой лучший друг. Потому и предупреждаю. – Шаги из уборной приближаются. – Смотри, Мэдди. Сатана победит в этой истории! Он отхватит все, и тебе стоит перейти на его сторону, пока можешь.

21 декабря, 8:25 по восточному времени

Место встречи. Часть третья

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftirlife.hell)

Милый твиттерянин!

В спальне мелодично дребезжит – «Бисти Бойз» поют «Брасс Манки». Это смартфон на прикроватном столике объявляет, что пришла новая эсэмэска.

Вернувшись в постель, папа объясняет:

– Мы попросили комиссию медиков изучить записи с камер. – Его волосатая рука возникает в поле видимости и хлопает по столешнице в поисках звонящего телефона.

Дар речи мной Ctrl+Alt+Потерян. Даже эмодзи не передадут ужаса, который я испытываю от его слов. Я чувствую себя персонажем нравоучительного романа о взрослении,

папуаской из дремучего племени землеедов – за моими голозадыми детскими выходками наблюдали! Отец, некогда такой преданный, откровенно изменяет матери, а меня при этом считает человеком ущербным и неприятным! Да, милый твиттерянин, я, возможно, эмоционально закрыта и нет у меня избытка поверхностных социальных связей, однако я горжусь тем фактом, что не стимулировала свою девственную штучку перед какими-нибудь вуайеристами-спецами по детской психологии и не доставила им антропологической радости. Чудовищно думать, что за мной наблюдали другие люди. Пусть даже родители. *Особенно родители.*

– Антонио? – окликает Бабетт.

Отец что-то невнятно бурчит.

– Зачем мы здесь? – жеманно спрашивает она.

Снова загорелая волосатая рука: она берет телефон, и отцовский голос говорит:

– Мы сопровождаем Камиллиного охотника за привидениями из номера шестьдесят три четырнадцать. – Золотое обручальное кольцо на его пальце похоже на ошейник. – Того парня, которого Леонард велел нам нанять, – помнишь? Из журнала «Пипл»? Он еще глотает ведрами собачий транквилизатор. – Речь отца замедляется, в промежутках между словами попкивают клавиши смартфона. Он еще говорит, хотя сам уже отвлекся – просматривает сообщения. Он продолжает описывать эффект выхода из тела во время трипа под каким-то анальгетиком, кетамин, – идол контркультуры Тимоти Лири называл такое «экспериментом по добровольному умиранию». Он объясняет, как этот наемный ловец духов сам погружает себя в состояние око-лосмертного опыта, нарочно приняв чрезмерную дозу. Мой отец, милый твиттерянин, способен замучить подробностями на любую тему. Он описывает то, что ученые называют «состоянием выхода из-под препарата», – после него кетаминщики клянутся, что их душа покидала тело и общалась с другими на том свете.

– Я не об этом, – говорит Бабетт.

– Леонард сказал нам нанять этого фрика и засесть тут, в «Райнлендере».

– Но зачем здесь я? – настаивает она.

– Я подцепил тебя в Хэллоуин...

– Сразу *после* Хэллоуина, – поправляет Бабетт.

– Я подцепил тебя по той же причине, по которой плюнул в лифте по дороге сюда. – Он произносит слова еще медленнее, будто отдает указания абсолютно глухой горничной-сомалийке. – *Я тоже хочу получить крылья*, – говорит он. – Бабби, милая, я чпокаюсь с тобой лишь потому, что так мне велит доктрина скотинизма.

Кровать скрипит под его весом. Матрас опять начинает издавать пронзительные звуки: визгливые арпеджио, мало напоминающие о занятиях любовью – скорее похожие на вопли, когда в кино за кадром в кого-то тычут ножом в гостиничной ванной.

Запыхавшийся отцовский голос произносит:

– Пусть моя дочь и не была идеалом, я ее люблю. – Он говорит: – Я готов лгать, обманывать и убивать, лишь бы вернуть мою девочку.

То сообщение в смартфоне пришло от Камиллы Спенсер. Песня «Brass Monkey», совершенно точно; рингтон, поставленный на звонки от мамы. А эсэмэска? Эсэмэска состояла из двух слов: «ОНА ВОССТАЛА».

21 декабря, 8:28 по восточному времени

Турист среди мертвых

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftlife.hell)

Милый твиттерянин!

Покупать *maison*¹⁰ то в одном конце света, то в другом – такой у мамы механизм приспособления. В Стокгольме, в Сиднее, в Шанхае – запасной план для каждого запасного плана; в результате у нее всегда имелось убежище. Это ее беспроектная стратегия: избыточные варианты отступления. Если в какой-нибудь стране менялись налоги или местная пресса делала мою маму предметом насмешек, она скрывалась у себя на Мальте, в Монако, на Маврикии.

Для отца ту же функцию исполняли подружки. Точно так же, как мать никогда полностью не связывала себя с одним местожительством, у отца была не одна мисс Краля Полюбовникс. Неявная, по большей части неосознаваемая прелесть запасных домов и любовниц заключается в их *не*-использовании. Неосуществленное желание, мысль о роскошном пустом доме или о сохнувшей по тебе содержанке делают их постоянно привлекательными. Представь разворот «Плейбоя», или скукающих наложниц в гареме с картины Делакруа, или комнату из журнала об интерьерах. Все это – пустующие сосуды, которые ждут, когда их наполнят.

Узрев внебрачные проделки отца, я потрясенно удаляюсь. Я кровотоку обратно по медной проводке «Райнлендера». Нарвавшись на эту сцену, я быстро возвращаюсь прежним путем в холл пентхауса, мое призрачное «я» пузырем возникает из розетки. Процесс включает расширение, раздувание шара эктоплазмы приблизительно до моих обычных размеров пухлой тринадцатилетки. Складываются черты лица, потом очки в роговой оправе, за ними школьные кардиган и юбка-шорты. Последними принимают форму мокасины «басс виджун», а с ними из розетки вытекают остатки призрачной меня – неведомой, но Ctrl+Alt+Отрезвленной.

И кажется, я здесь не одна. Человек стоит среди мебели, среди стульев и столов, которые горбятся под белыми чехлами. Он стоит под люстрой, под марлевым саваном. Мои призрачные глаза и глаза незнакомца впились друг в друга. Вероятно, передо мной тот охотник за привидениями, о котором предупреждала бабушка.

Милый твиттерянин, можешь назвать меня надменной аристократкой, но я до сих пор изумляюсь, когда вижу в Штатах американцев. Почти все детство я мыкалась между Андоррой, Антигуа и Арубой, из одного сказочного налогового рая в другой, я беспрестанно мигрировала вместе с теми, кто бежал от подоходного налога, укрывая колоссальные заработки в Белизе, Бахрейне и на Барбадосе. У меня сложилось впечатление, что США разогнали своих граждан по офшорам и теперь заселены и управляются нелегалами.

Да, время от времени попадается кто-нибудь в форме горничной или за рулем «линкольна», но человек, которого я вижу в холле нашего пентхауса, явно не слуга. Во-первых, он светится. Излучает ясное голубое сияние. Не такое, как если бы в нем горела лампа; у него, скорее, грани, он, как драгоценный камень, собирает окружающий свет. Лицо размыто – я вижу одновременно и переднюю, и тыльную части его головы. Это как глядеть через книжную страницу на солнце, когда ясно различаешь буквы с обеих сторон. Поразительно: будто разом видишь все фаски бриллианта. Сквозь человека просматриваются здания за окном – серая панорама за Центральным парком. Волосы его спускаются вдоль спины косой – толстой и длинной, как багет; каждая прядь просвечивает и переливается, будто стеклянная лапша. Его шея – натянутый целлофан, на коже – морщинки вен и сухожилий. Пиджак, штаны, даже запачканные кроссовки – все прозрачное, будто слюна.

Он стоит – руки свисают вдоль туловища – и колыхается, как столб дыма. Губы у него дряблые, словно медуза, проплывающая в кадре какого-нибудь мерзкого документального фильма о жизни моря. Голос приглушен – кажется, будто кто-то шепотом секретничает за стеной.

Да, СПИДЭмили-Канадка, до того, как я умерла, именно так мне и представлялись привидения.

¹⁰ Maison – дом (*фр.*).

Измученным голосом он произносит:

– Ты – та самая мертвая девочка.

Он меня видит.

– А вы?.. – спрашиваю я. И осекаюсь.

Его фигура покачивается. Он начинает падать и тут же выравнивает себя рывком, будто резко пробудившись, но прилагает слишком много усилий, и его заваливает в другую сторону. Ему так и не удается занять устойчивое положение, его шаткая поза – беспрестанная череда едва предотвращенных падений.

Милый твиттерянин, возможно, я не знакома с достославной женской радостью менструации, однако наркомана при встрече определяю без труда. Жизнь с Камиллой и Антонио Спенсерами означала тесные контакты со множеством разных людей, зависимых от веществ.

Остолбенев, я сглатываю всухую и спрашиваю:

– Вы – Бог?

– Мертвая девочка... – Человек словно шепчет. Он рассеян, причем буквально: он испаряется. Его руки тают, будто молоко в воде. Слова – слабее эха, тихие, как мысль. Он говорит: – Я в номере шестьдесят три четырнадцать. Найди меня. – Остается лишь тень его голоса, когда он произносит: – Приходи и Расскажи мне тайну, которую знает только твоя мать...

21 декабря, 8:30 по восточному времени

Родители отправляют лазутчика

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftlife.hell)

Милый твиттерянин!

Здесь и сейчас, в отеле «Райнлендер», я движусь по проводам из родительского пентхауса в комнату 6314. Я следую совету таинственного призрачного видения, просвечивающего человека с невымытыми волосами, перекрученными в хипповскую косу, не менее отталкивающую, чем засаленный хвостик какого-нибудь противного укурка из сельской глухомани. Благодарю, СПИДЭмили-Канадка, за вопрос, но да – призрака могут преследовать другие призраки. К примеру, моя бабушка: засела в спальне пентхауса, курит, бездельничает и своим присутствием напоминает о лете, что мы провели вместе в штате Нью-Йорк, и о бесчисленных ужасах, которые там произошли.

Прокатившись по электрическим цепям через непаянные соединения и много раз свернув не в ту сторону, я выбираюсь из щелей розетки в номере 6314. Обстановка: комната в задней части здания с видом на магазин «Барниз» и пруд в Центральном парке, два мягких стула возле окна, комод, кровать – каждая поверхность уж наверняка кишит клопами, одурелыми от крови. Между стульями – стеклянный столик, на нем – дорожки белого порошка. Анды, масштабная модель. Апеннины. Скалистые Галапагосы, только с вершинами из белой кристаллической пыли. Под столиком развалился мой таинственный гость: сам на животе, голова набок. Он лежит на ковре, судя по виду, мертвый. Из ноздри торчит плотно скрученная бумажная трубочка. Она – все в той же белой пыли.

Милый твиттерянин, мне, пожившей с родителями – бывшими укурками, торчками и обдолбышами, – этот пейзаж прекрасно знаком. Когда моя призрачная сущность устраивается на краю постели, распластанное тело издает стон. Его веки вздрагивают. Туловище и конечно-сти можно было бы спутать с кучей несвежей, пропотевшей одежды, если бы та не колыбалась чуть заметно от дыхания. Дрожащие руки упираются в ковер, и весь костюм пугала – заплятанные джинсы, фланелевая рубашка в клетку и замшевая куртка с бахромой – цепляется за стул и поднимает себя на ноги. Уже не магически прозрачный, этот несимпатичный и тощий человек озирает номер и окликает:

– Мертвая девочка?..

Вот это, должно быть, и есть частный детектив-парапсихолог, которого послала моя мама.

Его возраст так просто не угадаешь. Кожа на лице бугристая и пунцовая, будто взяли аппетитный крем-карамель и заморозили с рикотто-малиновой крошкой фурункулов. То, что показалось мне поначалу пухлой верхней губой, – лишь густые усы того же цвета, что и губы. Руки, каждый сантиметр открытой шеи – все в морщинах, словно этого человека сворачивали, как тесто для штруделя, и теперь его не расправить. Налитые кровью глаза сканируют комнату. Он спрашивает:

– Мертвая девочка, ты здесь? Ты пришла, как я просил?

Как и многие зависимые от веществ, выглядит он старше трупа.

Похоже, он меня не видит. Да, я могла бы мигнуть светом, дать вспышку на экране телевизора, чтобы обозначить свое присутствие. Однако я выжидаю.

Бумажная трубочка все еще торчит у него из носа. Он вытаскивает ее и говорит:

– Дай мне знак.

Его пальцы распрямляют бумагу. Фотография. На ней мама обнимает меня, мы обе улыбаемся в камеру. Это обложка журнала «Парад». Пойми правильно, милый твиттерянин: когда делали этот снимок, я и подумать не могла, что его поместят под заголовок: «Кинодива и ее пораженная недугом дочь противостоят трагедии детского ожирения». Да, я улыбаюсь, как довольная жаба, и пухлыми руками прижимаю к себе котенка рыжей масти. Тронутый бродяга с косой поворачивается вокруг себя и показывает вырезку со рваными краями мини-бару, кровати, письменному столу, припорошенному белым столику.

– Смотри, – говорит он, – это ты.

Нижняя кромка фотографии потемнела от влаги из его носа. Меня, хоть и очень толстую, мамыны руки обвивают целиком. Я вспоминаю запах ее парфюма.

Мне любопытно, и я уступаю: медленно задерживаю занавеску.

Голова бродяги так стремительно оборачивается к окну, что его омерзительная коса летит по широкой дуге.

– Есть! – восклицает он и несколько раз дергает согнутой в локте рукой вверх-вниз. – Я тебя нашел! – Он все кружит, глаза ощупывают комнату, пальцы шевелятся, будто хотят схватить мое невидимое тело. – Твоя старушка заплашет от радости. – На меня он не смотрит. И вообще не смотрит на что-то конкретное – его глаза сканируют каждый уголок комнаты. Обращаясь в никуда, он произносит: – Это доказывает, что я *лучший*. – Его внимание привлекает стеклянный столик с полосками белого порошка. – Вот он, мой секрет. Кетамин. Чудесный К. – Он снова скручивает фотографию, сует в нос и наклоняется, изображая длинную затяжку. – Я называю себя «охотник за головами духов». Мертвая девочка, твоя старушка платит большое бабло, чтобы я тебя разыскал.

Да, СПИДЭмили-Канадка, ты все поняла верно: этот рассыпающийся обтрепыш именуется себя *охотником за головами духов*. Пора опасаться худшего.

Он моргает: веки закрываются, открываются, снова закрываются, и каждый раз надолго, как у засыпающего человека. Потом он резко распахивает глаза и спрашивает:

– Что я говорил? – Он протягивает ладонь, будто для рукопожатия. – Меня зовут Кресент Сити. Не смейся. – Пальцы у него дрожат. – Когда-то мое настоящее имя было еще хуже: *Грегори Цервек*.

Нанять именно такого посланца – очень в духе моей жернового помола цельнозерновой матери. Вот он, крылатый Меркурий, который должен посодействовать извечной связи мать – дочь. Человек улыбается, выставляя кошмарные, несимметричные, кривые зубы. Губы дрожат от усилия. Когда улыбка сходит, а желтушные нервные глаза перестают метаться по комнате, он медленно опускается на стул и упирает локти в колени. Бумажная трубочка все так и торчит из носа. Он окликает:

– Мертвая девочка? Мне надо на твой уровень. – Потом делает глубокий вдох и выдыхает так, что грудь у него впадает, словно у тряпичной куклы. Потом склоняется над стеклянным столиком, выравнивает трубку по широкой дорожке и, будто муравьед, принимается за белый яд.

21 декабря, 8:33 по восточному времени

Кетамин. Краткий обзор

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftrlife.hell)

Милые наркоманы!

Если ваши родители не исполнили свой долг и не познакомили вас с ассортиментом веществ, оборот которых ограничен, позвольте, вас просвещу я. Прогрессивные мать с отцом не оставили простора моему детскому воображению. Ни насчет облизывания высушенных на солнце жабьих шкур. Ни насчет занюхивания банановой кожуры, запеченной и смолотой в желтый порошок. Пока другие родители старательно приобщали разборчивых отпрысков к кассуле с изюмом или гуляшу с брюквой, мои постоянно внушали: «Мэдди, милая, не допьешь стакан рогипнола, тирамису на сладкое не получишь». Или: «Выйдешь из-за стола, только когда съешь последний кусочек фенициклидина».

Дети по всему свету тайком скармливают шпинат или брокколи домашним питомцам, так и я украдкой совала своим кодеиновые таблетки. Наша бедная собачка не могла спокойно обитать в конуре – ее то и дело возили на реабилитацию. Даже моего морского ангела, Альберта Финни, пришлось высушить, поскольку я вечно бросала ему в аквариум перкодан. Бедный мистер Финни.

Кетамин, милый твиттерянин, – торговое название гидрохлорида. Это анестетик, который связывается с опиоидными рецепторами в головном мозге. Чаще всего его назначают пациентам и животным для подготовки к операции. Он снимает боль у тех, кого зажалю в машинах при страшных автокатастрофах, – *настолько* он сильный. Если нужен кетамин, ты можешь либо купить его за огромную сумму наличными у лабораторий из стран «третьего мира» через их подпольную сеть, которую контролируют мафиозные синдикаты в Индонезии и Мексике, либо подрочить Рафаэлю, нашему садовнику в Монтесито.

Изначально кетамин – прозрачная жидкость, но ее можно нанести на противень и высушить до состояния зернистого порошка. Ах, воспоминания... как часто входила я на кухню у нас дома в Амстердаме, Афинах или Антверпене, а мама – в жемчуге и переднике в цветочек – доставала поднос душистого, свежееиспеченного Чудесного К! Вонь метамфетаминовой лаборатории – запах электролита и кошачьей мочи – навевает на меня те же уютные воспоминания, что на моих сверстников – аромат шоколадного печенья.

Толчешь крупинки в мелкий белый порошок и просто занюхиваешь, как кокаин, – эйфорический приход длится примерно час. Бон аппетит. Впрочем, не то чтобы я пробовала. А вот опять же наша бедная собачка, Дороти Баркер, и недели не прожила в трезвости.

В номере 6314, словно демонстрируя все вышесказанное, мистер Кресент Сити склоняется над столиком. Одна рука отводит косу, чтобы та не смахнула заначку порошкового К, другая зажимает ноздрию, вторая ноздря проходится вдоль дорожки. Будто фермер, вспахивающий грязное поле, он заканчивает одну бороздку и принимается за следующую. Когда его нос очищает стеклянную поверхность, мистер Кресент Сити, все еще согнувшийся пополам, на мгновение замирает. Не поднимая головы, он говорит – глухо, в столик:

– Не бойся, мертвая девочка... Я *профессионал*. Так я зарабатываю на жизнь. – Его руки обмякают. Коса падает. – Парадокс: чтобы жить, я должен умирать.

С этими словами мистер Охотник за головами духов заваливается вперед и лицом пробивает стеклянную столешницу.

21 декабря, 8:35 по восточному времени

Аве Мэдди

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@afrlife.hell)

Милый твиттерянин!

В номере 6314 мертвое пугало развалилось посреди брызг разбитого кофейного столика. Как ни странно это звучит, я не в первый раз один на один с мертвецом, лежащим у моих ног в окружении осколков. Терпение – скоро все прояснится.

Как описать то, что происходит дальше? К настоящему времени я успела отбыть наказание в аду. Я сражалась с демонами и тиранами и стояла на вершинах скал, созерцая величественные океаны телесных жидкостей. Пока я была жива, меня носили по воздуху «Гольф-стримы» из Брисбена в Берлин и Бостон, а раболепная прислуга усердно скормлиwała моему жадному рту чищенные виноградины. Я наблюдала (впрочем, равнодушно), как моя мать летит на спине сгенерированного компьютером дракона в замок из поддельных рубинов и драматично замедленным движением отпивает диетическую колу. Однако все это не подготовило меня к следующему. Я обхожу лежащего мистера Кресента Сити и присаживаюсь, чтобы рассмотреть получше. Пол усыпан осколками армированного стекла. Скрученный листок – обложка из журнала «Парад» – выскользнул из носа и теперь медленно разворачивается, цветом распускаясь среди искристых крупинки. Моя мама – эталон волос, зубов и человеческого потенциала для всех и вся на свете. И я, бич ее существования.

Мой внутренний естествоиспытатель (сверхестествоиспытатель – считай меня Чарльзом Дарвином загробной жизни) внимательно наблюдает за происходящим. Куча грязных шмоток торчка начинает светиться. Что-то зыбкое, как воспоминание, мерцает на поверхности. Свечение, бесплотное, будто мысль, поднимается от лежащего тела. Заметь, милый твиттерянин: призраки состоят из воспоминаний и мыслей. Душа есть чистое сознание, и ничего больше. Сияние складывается в прозрачную фигуру, которую я впервые увидела в холле пентхауса в «Райнлендере». Безжизненное сморщенное тело по-прежнему на полу, а над ним стоит его мерцающий двойник. Он смотрит на меня и восторженно улыбается.

– Мертвая девочка.

Сидя на кровати, я говорю:

– Меня зовут Мэдисон Спенсер, – и киваю на снимок со мной и мамой, который разворачивается на полу.

Рискну предположить, что фигура передо мной – дух мистера Кресента Сити. Как показывает данный случай, употребляющие кетамин способны покидать физическую оболочку. Их сознание отделяется, душа оставляет отключенное препаратом тело и, если верить невнятным показаниям множества любителей Чудесного К, может путешествовать.

Призрак переводит взгляд с меня на фотографию и обратно. Он падает на колени, касается лбом ковра у моих ног, его лохматая коса шлепает по моим «басс виджунам». Голос, приглушенный ковром, произносит:

– Мертвая девочка... это *ты*!

Из чистого негодяйства я наступаю призрачной ногой на его мерзкую косу.

Отвратительный фыркающий звук разрывает воздух.

За ним – второй трубный залп.

Распростертое на полу ничтожество пердит.

– О, великая Мэдисон Спенсер, услышь мою молитву, – шепчет он и выпускает свежую – свежую? – порцию кишечных газов. – Скорее прими мое почтение и восхищение, ладно? Надо торопиться – у меня только пара минут, прежде чем я вернусь в тело, а мне еще надо рассказать тебе о моей священной миссии...

И это гадкое чудовище снова портит воздух.

21 декабря, 8:38 по восточному времени

Новый мировой скотопорядок

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@afirlife.hell)

Милый твиттерянин, дух мистера Кресента Сити, явно двинувшийся умом, лобызает пол у моих ног, вжавшись лицом в ковер. Призрак бормочет: «Ссаки. Говно. Говно. Хер. Сиськи. Сука...» Нецензурная мантра. Он шепчет: «Бля. Жопа. Хрень. Хрень. Хрень...» Это синдром Туретта, приступ в форме молитвы. Одновременно с обценными словами дух с косой поднимает открытые ладони и просяще тянет ко мне пальцы. Рядом грудой лежит его материальное тело, распластавшись морской звездой поверх искристого моря осколков.

Не вставая с кровати, я распрямляю пухлую призрачную ногу и носком «басс виджуна» толкаю его склоненную голову; не то чтобы пинаю по черепушке – просто дотрагиваюсь. И спрашиваю:

– Что за фигня?

В ответ мистер Кресент Сити – его беспардонный призрак – пускает газы. Трескучий залп, натуральный утиный манок. Он очумело бормочет:

– Прими песнь почтения моего затхлого ануса, дорогая Мэдисон. Прими скромную хвалу, мою «Аве Мэдди»...

Аве Мэдди? Милый твиттерянин, эти слова немедленно вызывают у меня в мозгу ступор. Мое имя каким-то образом сделалось синонимом пуканья?

Я спрашиваю:

– Давай-ка проясним: тебя наняла моя мама?

– Прими мою заднепроходную молитву, – говорит он. – Святой ангел Миллисент Спенсер, прошу твоего божественного наставления.

Я говорю:

– Ты отвратителен. – Я говорю: – И к твоему сведению, меня зовут Мэдисон, ты, глестворный червь.

– Прости меня, сердитая девочка-ангел.

Я – ангел. Как бы не так. Я спрашиваю:

– Сколько моя мама тебе платит? – Я встаю, подхожу ближе и задаю другой вопрос: – Что тебе рассказали мои родители? – После культа Гайи, Матери-Земли, который они пропагандировали в «Вэнити Фэйр», даже вообразить не могу, какой верой теперь увлеклись мама с папой – экс-язычники, экс-буддисты и экс-атеисты. Я щелкаю пальцами, чтобы привлечь его внимание.

– Камилла, великая Камилла, – расстиляется дух, – мать маленькой мессии, что отведет человечество в рай... – Он рыгает. – Услышь мои молитвы.

Я поднимаю призрачную ногу и ставлю ему на светящийся затылок.

– Давай-ка договоримся. Ты занюхал здоровенную дорогу Чудесного К и провалился в К-дыру. Твоя душа вышла из тела на сколько там – на час? – Сквозь сжатые зубы я предупреждаю: – Еще раз пукнешь – вырву твою вонючую косу с корнем.

– Минут на тридцать – сорок, – произносит он, не отрывая лица от пола, и водит одной протянутой рукой из стороны в сторону ограждающим жестом. – Так я нашел Мэрилин Монро. Элвиса. – Дух стучит себя по груди, в голосе звучит некоторая гордость. – Я лучший.

– Это ж горы кетамина.

– Бля. Бля. Бля, – говорит он.

– Ну-ка хватит!

– Но так я отдаю дань почтения, – ноет призрак.

– Мне?

– У нас мало времени, – говорит он. – Паломничество сюда по воле твоей матушки было долгим. Моя святая обязанность – безопасно доставить тебя на «Пантейджес».

В театр?

– Это большой корабль.

– В смысле на «Пангею Крусейдер»?

– А я как сказал? Не важно. Главное – ты должна следовать туда за мной.

Прозрачная фигура под моей ногой начинает таять.

– То есть когда твоя душа вернется в это мерзкое... – я показываю на грудь плоти и тряпья, – мне надо идти за тобой?

– Ага, – отвечает он, – типа того. – Мозг у него поврежден, внимание рассеяно. Фантом постепенно исчезает, как тогда, в пентхаусе. Его душа возвращается в загубленное наркотиком тело.

Чтобы удержать его еще немного, я буквально наступаю ему на шею. Я ору:

– Говори! Я приказываю тебе, вонючий таракан! – Вот она, Мэдди. Я такая – властная. Я требую ответа: – Что задумала моя коварная мать?

Бздеж. Отрыжка. *Путь к искуплению лежит через брань.*

У меня жуткое предчувствие.

– О славный ангел Мэдисон, ты умерла, и твою плоть погребли, но из загробного мира ты говорила с матерью... – Он тает. Мистер Кресент Сити ускользает обратно к жизни. – Ты указала твоим праведным последователям путь в рай. Пердеть в набитом лифте... ссать в бассейне... говорить «бля»...

Милый твиттерянин, моя призрачная сущность холодеет от ужаса.

– С тех пор как твой святой дух посетил родителей, они проповедовали твое учение миллионам по всему свету. Несметное число твоих учеников возносит «Аве Мэдди», как и я. – Он прибавляет себе под нос: – Бля. Говно. Жопа... – и говорит: – Верховная Мать Камилла – наша пламенная блудница...

– Духовница, – поправляю я.

Но поздно. Мистера Кресента Сити больше нет под моей ногой. В другом конце гостиничного номера лежащее пугало начинает шевелиться.

21 декабря, 8:40 по восточному времени

Грубое искупление

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftlife.hell)

Милый твиттерянин!

Пускать газы. Рыгать. Ковырять в носу и разбрасывать козы. Лепить жвачку на скамейки в парке. Таковы обряды новой главной мировой религии, и все это – моя вина. Я-то лишь хотела вновь собрать нашу семейку, пусть и в аду. Я советовала им парковаться во втором ряду, говорить слова на «ё» и кидать окурки на землю. Поскольку знала, что эти действия уж точно приведут их в ад. А раз они не могли помалкивать в тряпочку, то теперь обрекли миллиарды душ на вечные муки.

Милый твиттерянин, все, что я говорила своим, *было в шутку*. Я лишь хотела их подбодрить.

Почему мимолетные мысли какого-нибудь доброхота вечно превращаются в идеалы следующей цивилизации? А вдруг Иисус, Будда и Мухаммед были обычными смертными, которым всего-то и хотелось, что сказать «здорово» и утешить своих во плоти живущих друзей? Вот, вот почему мертвые не разговаривают с будущими покойниками. Досмертные перевирают любое наше слово. Я тут дурака валяла, а мама вывела из моих шуточек целую теологию.

О боги! Получите теперь «скотинизм» – международное религиозное движение, основанное на сортирном юморе и хамском поведении.

Как мне поступить? Можно попытаться вправить мозги моим родителям. Вот так я и поступлю. Пока мистер Кресент Сити кое-как поднимается на ноги, я решаю следовать за ним к моей тронутой матери и растолковать, что к чему, страдающему от кишечных газов материальному миру.

21 декабря, 8:44 по восточному времени

Мир скотинитов

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@afirlife.hell)

Милый твиттерянин, представь мир, где все люди день за днем живут с полной уверенностью, что попадут в рай. Спасение гарантировано абсолютно всем. Вот на какую Землю я вернулась. Из номера 6314 «Райнлендера» я иду следом за моим проводником, мистером Кресентом Сити. Багажа у него нет. Он шаркает, с каждым движением с его одежды сыплется стеклянная крошка, но на самом – ни пореза, ни царапинки, хоть он и разбил кофейный столик. Лифт съезжает в вестибюль, двери раздвигаются, незнакомый постоялец, пропуская нас, отходит в сторону. Он вежливо кивает и произносит:

– Жрать вам говна, подтирка.

Кресент в ответ слегка кланяется, говорит:

– Приятно попидореть, манда. Всего вам черножопого, – и обильно сплевывает ему на ботинки.

И все это натворили мои родители! Стоило догадаться, что они раззявят рты и не смолчат. Могу поспорить: поговорив со мной по телефону, мама сию же секунду велела секретарю созывать пресс-конференцию. Даже не сомневаюсь, что они с папой усердно разносили по миру мой совет о том, как попасть на Небеса Вестибюль «Райнлендера» – некогда храм пристойного поведения и деликатных негромких бесед – сделался вонючей раздевалкой, местом сортирного трепы и миазмов.

При этом – поразительный контраст – все улыбаются. Столько счастливых людей в одном месте не бывает. Постояльцы, консьержи, швейцары – у каждого радостное лицо ребенка-сквернослова. Они смотрят друг на друга, а глазки чистые и влюбленные, как у ренессансных херувимов, с обожанием взирающих на младенца Христа. Администраторша приветствует нас такой широкой улыбкой, что кажется, будто ей приплачивают за каждый показанный зуб. Глаза блестят неподдельным восхищением.

– Надеюсь, вам было у нас охеренно и разжописто, мистер Сити?

Кресент улыбается не менее восторженно:

– Просто обосраться, мокрошелка, охренительно.

Администраторша подтверждает, что счет за номер выставят Камилле и Антонио Спенсерам, принимает ключ и мило сообщает:

– Кажется, ваша говноедская машина с шофером-негрилой уже ждут. Могу ли я, дери вас за ногу, помочь еще с какой-нибудь мутотенью?

– Нет, спасибо, – говорит Кресент, сует руку в передний карман драных джинсов и вытаскивает купюру. Между дрожащими от наркотиков пальцами – сто долларовая бумажка. Он складывает ее под носом, сморкается, как в салфетку, под завязку наполняя соплями, и протягивает тошнотворную банкноту администраторше:

– А это можете сунуть себе в задний проход.

Та сияет самой широкой улыбкой, берет деньги и говорит:

– До встречи в раю, придурок.

– Жидовка, – радостно отвечает Кресент и шагает к выходу.

Вслед ему несется птичий перелив:

– Хорошего дня, жополиз сраный!

Улыбающийся посыльный, придерживая входную дверь, хитро козыряет на прощание:

– Отсоси, хот-дог с дерьмом.

Кресент Сити сует парнишке еще одну перемазанную сотню.

Водитель в форме стоит у обочины возле открытой двери сияющего «линкольна».

– В аэропорт, мистер спермояд?

Как и сказала администраторша, предки шофера – выходцы из Африки. Кресент радушно жмет ему руку и устраивается на заднем сиденье.

– Да, чернозадая обезьяна, в терминал внутренних рейсов, пожалуйста.

В таком вот паскудном духе, смеясь, они болтают всю дорогу до аэропорта. Ни капли обиды. Запретных выражений не существует. Даже люди, мимо которых мы едем – идущие по тротуарам, сидящие в машинах, – все блаженно улыбаются, словно неуязвимые для оскорблений. Поймав на себе взгляд Кресента, они радостно поднимают в ответ средний палец. Оглушительно сигналият машины. Улыбки слепят. Каждый торжествует, что попадет в рай, если, конечно, будет усердно браниться.

Водитель выпускает облако кишечных миазмов, которое мгновенно заполняет салон зловоном его застойных кишок.

– Душевно, – говорит Кресент Сити, глубоко втягивая воздух. – Ангел Мэдисон возрадуется.

– Аромат спасения, брат, – отвечает шофер. – Вдыхай полной грудью!

В терминале мы проходим мимо газетного киоска. На обложке «Ньюсуик» заголовок: «Хамская религиозная революция. Явление скотинитов». Журнал «Тайм»: «%&!/?/ный путь к искуплению». На телеэкране под потолком вестибюля диктор Си-эн-эн рассказывает: «Скотиниты заявили о воскрешении своего мессии...»

По пути к гейту я семеню пухлыми поросычьиими голяшками, еле поспевая за шагающим размашистой, как у зомби, походкой Кресента. Он не слышит меня, поскольку сейчас он не под препаратом, но продолжает бормотать и со стороны, видимо, кажется психом нелеченым в грязной, выбившейся, полузастегнутой рубашке. Впрочем, не то чтобы бубнящий под нос шизик в лохмотьях кого-то сильно беспокоил. Нет, теперь, когда человечеству гарантировано вечное место одесную Бога, все радостно скалятся, а в глазах туман праведности.

– Ты, мертвая девочка, выбрала идеальное время, – говорит Кресент. – У нас есть дурацкие законы насчет того, чтобы водить машину трезвым, носить обувь и не заводить дома боа-констрикторов, но у нас не было законов насчет самого главного: как спастись. А людям страшно хотелось узнать – как.

В этой новой религии, скотинизме, смерть кажется отпуском до конца времен на пятизвездочном курорте, где все оплачено.

– Ты принесла мир всей планете! Нет больше ни геев, ни евреев, ни африканцев, – провозглашает он, продвигаясь вперед. – Гляди: мы все – скотиниты!

Вышло очень просто, объясняет Кресент Сити. Мои родители развернули мощную кампанию вокруг мертвой дочери, которая связалась с ними из загробного мира, рассказали всему свету, что я теперь ангел на небесах, тусуюсь с братьями Кеннеди и Эми Уайнхаус и что открыла им верный, стопроцентный метод спасения. Они разразились очередью пресс-релизов, где натрепали насчет того, как я катаюсь на облачке за жемчужными воротами и бренчу на арфе. Дико, но в такой уж среде обитают Камилла и Антонио.

– Скотинизм не настоящее название нашей веры, – говорит Кресент. – Это ярлык, который выдумали журналюги для своего удобства. Официально мы именуем себя апостолами Мэдлантиды.

Глядя трезво, не могу винить предков за такой ажиотаж. Прежняя теология «Расходуй бережно, используй повторно» наверняка давала слабое утешение им, родителям, чьего единственного ребенка убили в день рождения. Да, я скончалась в свой день рождения от сексуальной асфиксии, и приводить подробности мне стыдно.

Это смерть анста. Забудь Ницше. И Сартра забудь. Экзистенциализм мертв. Бог воскрес, а людям показали дорогу к сияющему бессмертию. В скотинизме всякий, кто оставил религию, получил путь, ведущий обратно к Богу, и это... это здорово. Только взгляни на их беззаботную неторопливую походку. В свете нового спасения земная жизнь для них – как для школьников последний день учебы.

Такое их счастье происходит не из страха перед адом, тюрьмой или остракизмом. Оно возникло из полной уверенности в грядущем рае. Неизбежность смерти теперь греет их как глобальная Последняя Пятница перед бесконечной вечеринкой в Масатлане.

Пока мы ждем в телетрапе, Кресент говорит:

– В раю первым делом устрою себе новую печень. И новое тело, и волосы, как раньше. Клянусь, – продолжает он, сжимая посадочный талон, – попаду в рай – и больше никогда не прикоснусь к наркотикам. Никогда.

– Аминь, – раздается голос. Это женщина за нами в очереди. Придерживая на плече сумку и набирая текст в смартфоне, она говорит: – В раю стану есть стейк с картошкой фри на завтрак, обед и ужин, а весить все равно буду не больше ста пятидесяти фунтов.

– Аминь, – слышен еще один голос из очереди.

– В раю, – говорят где-то у начала телетрапа, – заново налажу контакт со своими детьми и стану таким отцом, какого заслуживают эти славные ребяташки.

– Аллилуйя! – восклицает кто-то. То тут, то там в узком телетрапе раздается «Хвала Господу», и все подряд начинают делиться своими планами на вечность.

– Вот попаду к Богу – и доучусь в школе.

– В раю заведу себе такую огромную тачку, каких не бывает.

– А я, когда умру, попрошу себе хер больше, чем твоя тачка, – выдает кто-то.

Мы проходим на борт в первый класс, Кресент Сити отыскивает места.

– Сядешь у окна или у прохода? Я купил два билета. – Он будто ждет, что я выберу, потом говорит: – Сейчас вернусь, – и шагает в туалет.

Я сажусь возле окна. Стюардесса делает объявление:

– Мы готовимся к взлету. Пожалуйста, пристегните свои сраные ремни и убедитесь, что спинка гребаного кресла закреплена в вертикальном положении...

Пассажиры смеются и хлопают. Она не успевает закончить инструктаж по безопасности, как знакомая прозрачная фигура, дух Кресента Сити, возникает в проходе и садится рядом со мной. Его тело с передозировкой кетамина, по-видимому, заперто в туалетной кабинке.

Бледный, просвечивающий, как призма, но с оттенками всех возможных цветов спектра, призрак улыбается мне и говорит:

– Жду не дождусь, когда стану таким же ангелом, как ты.

В начале салона стюардесса сперва стучит, потом принимается колотить в дверцу туалета. Дух Кресента, не обращая внимания, спрашивает:

– Ну, так как там, в раю-то?

21 декабря, 8:43 по восточному времени

Рождение мерзости

Отправил Леонард-КлАДезь

(Hadesbrainiacleonard@aftirlife.hell)

Что же случилось с латексным младенцем, брошенным среди бури? Египетские жрецы, пишет Солон, поют, что божок постепенно оживет. По его тельцу, перемазанному шоколадом и губной помадой, начнет циркулировать остывшее семя, исторгнутое незнакомцем.

Не долго лежит испачканный предвестник на розовой звезде Голливудского бульвара – ветер подхватывает его и уносит вдаль. Греческий чиновник пишет, что нечистоты в канаве подбирают и влечут дитя. Крохотный идол – безликий, наполненный дыханием – плывет среди утопших крыс и распухших телец прочей живности. Таковы голливудские стоки. И подземный коллектор Лос-Анджелеса ведет божка и выносит к заблудшим бутылкам из-под отбеливателя и кетчупа. Ливневая канализация и водосливы направляют поток пластиковых отбросов, эту нисходящую миграцию полистирола. И латексный младенец отважно продвигается вперед – не в корзине из тростника, но в сопровождении легиона использованных шприцев; спеленатый полиэтиленом, он странствует среди щербатых расчесок и беглых теннисных шариков. Хлам сбивает в косяки и несет по захороненным трубам к не знающим солнца отстойникам. Здесь плавают таинственные призрачные предметы в блистерах – пластиковых околоплодных пузырях, давно разродившихся для своих потребителей. Такова судьба всех мирских сокровищ. И в свой час латексное дитя и все эти материальные дары – бессмертные отходы смертных людей, – все они извергаются в ложе реки Лос-Анджелес.

Так же, как едва вылупившихся черепашек манит лунный свет, а лосося ведет его предназначение, ровно так же увлечет нашего латексного младенца и его грязное воинство рукотворного мусора. Отлив вынуждает целое поколение бесформенного, бесполезного хлама устремиться в Тихий океан.

21 декабря, 8:44 по восточному времени

Сексуальный хищник в животном царстве

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftirlife.hell)

Милый твиттерянин, это не хвастовство, но ни у одного взрослого ум не испорчен и не развращен так, как у невинной одиннадцатилетней девственницы. Дети, еще не усвоившие скучных фактов о репродуктивной анатомии и пока не имеющие такта и механических знаний, могут вообразить сексуальные действия с морским ежом... с зеброй... с фламинго.

Еще будучи досмертной, я мечтала родить деток с крылышками. Я бы соблазнила морскую свинью, и наше потомство плавало бы в океане. Половая зрелость манила возможностями: мои дети рычали бы, разеваая огромные львиные пасти, или бегали, стуча копытами. И почему никто не додумался до этого раньше? Я не могла дождаться.

Зверинец мягких игрушек вдохновлял меня, и мой дневник пух от рассказов о разудалых плотских похождениях. Само собою, все эти истории были выдуманными. Я заполняла страницы аккуратнейшим почерком, зная, что их непременно изучит моя мать. «Дорогой дневник, – писала я, – сегодня я натерла токсином галлюциногенной медузы свою обнаженную пипи...»

Да, СПИДЭмили-Канадка, я могла бы вести блог, но план сработал бы, только если бы родители поверили, что я скрываю подробности своих грязных делишек. «Дорогой дневник, – писала я, – мама ни за что не должна этого узнать, но сегодня я пила *просто божественный* абсент, а вместо трубочки взяла один из сушеных обезьяньих причиндалов...» Я спрятала дневник на захлавленной книжной полке среди всякой галиматши о периоде Регентства. Не прошло и недели с первой записи, как родители приступили к враждебной шпионской деятельности.

Не то чтобы они объявляли кампанию. Я догадалась о ней, поскольку как-то за завтраком мама ни с того ни с сего упомянула, что брать в рот обезьянью штучку – отличнейший способ подхватить ВИЧ.

– Правда? – спросила я, обкусывая тост и втайне трепеща от того, что они заглотили наживку. – Это касается штукек любых обезьян? – Я слизнула масло с кончиков пухлых пальцев. – *Saimiri sciureus* тоже?

Отец поперхнулся кофе.

– Кого?

– Это такие миленькие беличьи обезьянки, – пояснила я, похлопала ресницами и кокетливо зарделась.

– Почему ты спрашиваешь?

В ответ я лишь пожала плечами.

– Да просто так.

В том возрасте я так увлекалась обезьянками, что хотела выйти за какую-нибудь замуж. Первым делом, конечно, закончила бы колледж, получила степень за сравнительные постмодернистские исследования гендерной маргинализации, а уж потом стала бы мамочкой миленькой обезьянки.

Родители обеспокоенно переглянулись.

– А как насчет заманчиво толстой штукки *Callithrix pygmaea*? – спросила я, растопырила перемазанные пальцы и стала их загибать, будто припоминая свидания: – Карликовой игрунки?

Мать протяжно вздохнула, окликнула: «Антонио?» – и подняла бровь, будто спрашивая «Что произошло в Тиргартене, мистер?». Они оба очень неохотно ограничивали мое поведение, но кое-что явно следовало объявить не лезущим ни в какие ворота. Однако пичкавшие меня идеологией свободной любви родители сумели только посоветовать мне практиковать безопасный секс, не важно уж с каким биологическим видом. Вяло улыбнувшись, мама спросила:

– Не хочешь ксанакса, милая?..

– А *Chloropithecus aethiops*?¹¹ – продолжила я, приняв взволнованный вид.

В прошлом месяце отец действительно возил меня в Берлинский зоопарк, и эта экскурсия стала прекрасной возможностью для исследования.

Пропитанное ботоксом лицо матери слегка перекосило. Точно такое же кислое выражение было у нее на оскаровской церемонии, когда награду за вклад в киноискусство вручили Тому Крузу; тогда через несколько секунд она сблевала в шикарную сумочку Голди Хоун, чем испортила небольшой драгоценный запас роскошного шоколада и солнечных очков «Гуччи».

В лучшем случае они могли дать мне набор межвидовых презервативов всевозможных размеров и прочесть лекцию насчет того, что я должна требовать к себе уважения со стороны сексуальных партнеров-приматов.

В тот момент я поняла: родители никогда не расколются, что читают мой дневник. Однако раз они узрели одиннадцатилетнюю секс-социопатку, то будут *вынуждены* его читать. Они побоятся *не* читать, и я продуманными ложными признаниями смогу ими манипулировать. Теперь они мои рабы.

«Дорогой дневник, – писала я, – сегодня я до отвала башки дула гавайскую травку через бонг, залитый пузырящимся тепленьким слоновьим семенем...» Теперь даже грустно, до чего легко родители приняли мою буйную зоофилию. «Дорогой дневник, – писала я, – сегодня я проглотила ЛСД и нежно подбочилась стаду антилоп гну...»

Да, на бумаге я представлялась развратницей, но на самом-то деле была тайным, подавленным снобом. И пока родители воображали гадкие сцены, где я резвилась вдвоем, а то и втроем с ослами и обезьянками-капуцинами, я на самом деле, угнездившись в какой-нибудь корзине с грязным бельем, читала исторические любовные романы Клэр Дарси. Мое детство по большей части состояло из такой вот двойной поведенческой бухгалтерии.

¹¹ *Chloropithecus aethiops* – вид африканских обезьян (лат.).

«Дорогой дневник, ну и отходняки! – писала я. – Напомни никогда, никогда больше не вмазываться несвежей мочой гиены через грязную иглу! Я всю ночь глаз не могла сомкнуть и стояла над спящими родителями с мясницким ножом. Если б хоть кто из них шевельнулся – раскромсала бы обоих в лоскуты...»

А я... Теперь-то я понимаю, что допустила стратегическую ошибку Чарлза Мэнсона. Мне бы остановиться, пока меня считали тепличной разновидностью наркоманки-зоофилки. Но нет ведь: надо было сгустить краски, представиться потенциальным маньяком... Неудивительно, что вскоре после той самой записи родители отправили сексуально неисправимую одиннадцатилетнюю меня в унылую глухомань.

21 декабря, 8:47 по восточному времени

Прелюдия к моему изгнанию

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@aftirlife.hell)

Милый твиттеряннин!

Я не всегда выглядела человеком-зефиром. В одиннадцать я была тощей, как рельс; девочка-сильфида с индексом массы тела чуть выше отметки, за которой отказывают органы. Да, когда-то я была стройненькой и миниатюрненькой, как балерина, с метаболизмом колибри, и в таком виде представляла собой ценность. Я служила детским эквивалентом красоты-спутницы, подтверждением маминой фертильности и папиного блистательного генетического достояния; на снимках папарацци я улыбалась рядом с родителями.

А потом меня сослали в глухомань. Давнее воспоминание застряло в мозгу.

Север штата Нью-Йорк. Унылая глушь. Одно из немногих мест, где у моих родителей не прикуплен дом. Представь секстильон израненных деревьев, плачущих на снег кленовым сиропом, – вот тебе север штата. Еще вообрази миллион секстильонов клещей, которые заражены болезнью Лайма и только и ждут, чтобы тебя укусить.

Это не злобное пустословие: с помощью маминого ноутбука одиннадцатилетняя я отыскала спутниковую фотографию северной глухомани. Если взглянуть на нее целиком, это точь-в-точь пятнистый армейский камуфляж. Из космоса просматривается линия шоссе номер какой-то там жизненно важной транспортной артерии, пробитой между ничто и нигде. Я читала названия городков, искала хоть что-нибудь известное и вдруг узрела. Там, на карте, был обозначен Вудсток.

Вудсток, штат Нью-Йорк. Мерзкий Вудсток. Прошу извинить за следующее признание. Лично мне пакостно поднимать эту тему, но мои родители познакомились на Вудстоке девятости девятого, где все бунтовало из-за цен на пиццу и воду в бутылках, продаваемых в центре тысячи акров этой отравленной перенаселенной грязищи. Мама была всего лишь голой деревенской девушкой, облаченной в запах пота и пачули, папа – бледным голым студентом, бросившим Массачусетский технологический, с длинными сальными дредами; он сбрил все обычно видимые волосы, чтобы больше походить на Будду. Ни у той, ни у другого не было при себе даже обуви.

Они рухнули в лужу и зажгли. Его хозяйство занесло грязь в ее штучку, она подхватила ИМП, и они поженились.

Кто говорит, что чудес не случается?

Теперь они пересказывают эту историю, подхватывая реплики как по-писаному, и веселят ею незнакомцев в зеленых телестудиях и на вечеринках по случаю окончания съемок, а момент с грязью выделяют особо, поскольку этому гадостному эпизоду он придает оттенок скромности и аутентичности.

Да, мне известно слово *аутентичность*. Могу произнести не запнувшись.

Горничная-сомалийка упаковывала мои чемоданы, а мама перебирала мою одежду на предмет бирок «только химическая чистка». Видимо, жители глухомани стирали свои грязные вивьен-вествудские баски между плоскими камнями на реке. Сашими у них тоже не было. И Интернета, уточнила мать. Во всяком случае, у бабушки с дедушкой. И телевизора. Зато у них водились животные. Не в далеком абстрактном смысле – животные вроде полярных медведей, чья численность резко падает, или бельков, которые нежатся на льдине, а их вот-вот забьют дубинками эскимосы; нет, животные – это бабушкины козы, квохчущие куры да мычащие коровы, за которыми мне предстояло ухаживать в качестве ежедневной рутинной обязанности.

О боги!

Никакие мольбы не помогли избежать ссылки. Без долгих разговоров меня сунули на заднее сиденье «линкольна» и спровадили, набив один небольшой чемоданчик исключительно запасом ксанакса. Тем летом, на двенадцатом году жизни, в столь нежном возрасте, я научилась подавлять страх. Душить собственные гордость и злость. И то был последний раз, когда моя мать могла похвастаться тощей дочерью.

21 декабря, 8:51 по восточному времени

Папчик, часть первая

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@afrlife.hell)

Милый твиттерянин!

Поначалу Папчик мобилизовал меня на его текущую кампанию против биоразнообразия. Стратегия заключалась в том, что мы вдвоем на карачках под палящим солнцем истребляли каждое туземное растение, покусившееся на бабушкин огород, и оставляли только пришлую фасоль. Как-то мы трудились плечо к плечу – изводили сорняки на корню, пытаюсь создать сомнительную монокультуру бобовых, – и он спросил:

– Мэдди, лапонька, ты веришь в судьбу?

Я не ответила.

А Папчик не сдавался:

– Что бы ты сказала, если б твоя жизнь была predetermined до последних мелочей еще до твоего рождения?

Я упорно не вязывалась. Он явно хотел привить мне некое слабоумно-экзистенциалистское мировоззрение.

Папчик оторвался от прополки и обернул ко мне морщинистое лицо.

– Что ты знаешь о Боге и Сатане?

Ветер северной глухомани взъерошил его седые пряди. Не поднимая глаз, я убила сорняк. Я пощадила росток фасоли. Я ощущала себя Богом.

– Ведь ты знаешь, правда же, что Бог и Сатана враждуют? – Он оглянулся, будто хотел убедиться, что мы одни. Подслушивать нас было некому. – Если я открою тебе тайну, обещаешь не говорить бабушке?

Я выдернула еще один сорняк. И ничего не пообещала. Вместо этого мое девичье нутро сжалось, готовясь к какому-нибудь омерзительному откровению.

– А ежели я скажу тебе, – продолжил он, не получив ответа, – что ты рождена стать самым великим человеком за всю историю? Что, если твоя судьба – уладить спор между Богом и Сатаной?

21 декабря, 8:53 по восточному времени

Неполиткорректный пир

Отправила Мэдисон Спенсер (Madisonspencer@afrlife.hell)

Милый твиттерянин, если тебе интересно, в доме, стоявшем особняком в глуши на севере штата, была одна гостиная, забитая книгами... две тесные спальни... примитивная кухонька... единственная уборная. Одна из двух спален когда-то принадлежала матери, теперь ее отдали мне. Как меня и предупреждали, здесь не было ни телевизора, ни хоть какого-нибудь компьютера. Телефон был, но ископаемый, с дисковым набором.

Типичный обед выглядел так: я сидела за кухонным столом один на один с тарелкой худшего кошмара одиннадцатилетней меня. К примеру, телятины. Или сыра – продукта подневольного труда не входящих в профсоюз работяг из Центральной Америки. Свинины с промышленной фермы. Глютена. Я на вкус ощущала споры болезни Крейцфельда-Якоба. Я чувствовала запах аспартама, испытанного на лабораторных обезьянах. Как-то я рискнула спросить, откуда взялась говядина – не от коров ли с пастбищ, что на месте вырубленных и выжженных лесов Амазонии. Бабушка лишь мельком посмотрела на меня, прикурила очередную сигарету и пожала плечами. Чтобы потянуть время, я положила вилку в тарелку и взялась потешно и очень подробно излагать, что стряслось со мной в прошлом месяце на вечеринке в загородном доме Барбры Стрейзанд; эпизод в пляжном коттедже Барбры на Мартас-Виньярд и в самом деле был совершенно безбашенный.

В гостиной зазвонил телефон, бабушка помчалась поднимать трубку. Из соседней комнаты, едва уловимый, будто легкий запах, донесся ее голос: «Аллё-о?..» Скрипнули диванные пружины – она присела. «Я вообще не покупаю ватные шарики. Скорее возьму ватные палочки». Она замолчала, потом сказала только: «Синего», а еще через секунду, послушав: «Мятные». Потом: «Замужем, уж сорок четыре года как». Затем: «Один. Девочка у нас, Камилла», и, кашляя: «Шестьдесят восемь в июле стукнуло». И вдогонку: «Общество братьев во Христе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.